

На правах рукописи

ЖУКОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

**СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА В РОССИИ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2015

Диссертация выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (юридический факультет)

Научный консультант:

Марченко Михаил Николаевич
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Официальные оппоненты:

Графский Владимир Георгиевич,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБУН «Институт государства и права
Российской академии наук»,
заведующий сектором истории государства,
права и политических учений

Корнев Аркадий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
заведующий кафедрой теории государства и права

Экимов Анисим Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
ФГБОУ ВПО «Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова»,
заведующий кафедрой теории государства и права,
конституционного права

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Российский государственный
университет правосудия»

Защита состоится 10 марта 2016 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 501.001.74 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, строение 13-14 (4 гуманитарный корпус), юридический факультет, ауд. 535а.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, комната 812, а также на сайте www.istina.msu.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

П.Л. Полянский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

За период второй половины XIX – первой трети XX в. в России сложилась оригинальная, самостоятельная, многоплановая, разветвленная по нескольким направлениям социология права, ставшая неотъемлемой частью нашей юридической и социологической науки. Социология права – комплексная междисциплинарная отрасль знания, возникшая на пограничье нескольких наук: социологии, юриспруденции, философии, истории, психологии, антропологии, экономической теории. Социологический анализ государства и права проводился представителями разных школ и направлений, с позиции позитивизма, кантианства и неокантианства, гегельянства, марксизма, фрейдизма, феноменологии, религиозной философии. В результате такого генезиса социолого-правовое знание оказалось распыленным между различными науками, стало частью юридической, политической, философской, социологической, религиозной мысли. Особый вопрос – распространение социологии внутри юридической науки, где социология права также оказалась рассредоточенной между отраслевыми науками и общей теорией государства и права. Гражданское, уголовное, государственное, административное право, взяв на вооружение социологический метод и используя его в большей или в меньшей степени, создавали свое собственное социолого-правовое знание. Для теоретико-правовой науки социология права стала полноправным, весьма значительным компонентом, но также со своей спецификой. Отсюда задача для современной историко-правовой науки: разработать методологические критерии, позволяющие вычленить элементы социолого-правового знания, и соединить данные элементы в нечто целое, логически завершенное. В данном случае будут достигаться, как минимум, две цели. Во-первых, восстановление социологии права в полном объеме необходимо для более успешного развития российской юридической науки. Ее фундамент закладывался в XIX в., когда формировалась ее собственная традиция, ее аутентичные формы. Связь между дореволюционной и современной юридической наукой много тесней, чем иногда об этом думают. Понятийный аппарат, логика юридического мышления, идеи прошлого – все это в значительной мере является достоянием и современной юридической науки, хотя и в глубоко переработанном виде. Чтобы лучше понимать современное состояние юридической науки, ее специфику и векторы возможного развития, необходимо обращаться к ее истории. Во-вторых, реконструкция социологии права необходима в просветительских целях, чему, так или иначе, служит любая наука, а тем более – историческая. Более полное и точное понимание нашей духовной истории способствует развитию национального самосознания и правосознания, формирует восприятие своей страны как культурной ценности.

Изучение истории социологии права имеет большое значение для теоретико-правовой науки. Общая теория государства и права возникает в последней трети XIX в. как комплексная межатраслевая общетеоретическая и методологическая наука. Ее формировали юристы-социологи, юристы-догматики и юристы-философы в общенаучных и учебных целях. Уже в начале XX в. она вклю-

чала в себя несколько компонентов: философский, догматический, социологический, исторический, сравнительно-правовой. На рубеже 30 – 40-х гг. XX в. общая теория государства и права вновь получает научный статус, но уже в форме неотъемлемой части советского обществоведения. Однако и в новых исторических условиях она сохранила свой общенаучный каркас, приобретенный до 1917 г., в том числе – социологический компонент. Марксистско-ленинская общая теория государства и права специально не выделяла из своего состава социологию права, но от этого социологический аспект теоретико-правовой науки не исчезал. Более того, благодаря отдельным темам (реализация права, функционирование правопорядка) социологический метод только расширял сферу своего применения. Таким образом, социология права способствовала институционализации общей теории государства и права, обогащала ее своими идеями, расширяла исследовательский горизонт. В этой связи изучение истории социологии права следует рассматривать как необходимую предпосылку для восстановления полной картины становления общей теории государства и права, установления генезиса ее понятийного, идейного и методологического багажа.

В настоящее время осуществляется полномасштабный возврат к социологии права как самостоятельной научной и учебной дисциплине. Многочисленные учебники и учебные пособия, написанные за последние годы, демонстрируют отсутствие четкости и ясности в понимании предмета, методов и профильной тематики социологии права. Обращение к истории отечественной социологии права позволяет в деталях рассмотреть представления ее основателей о тематических рамках, статусе, понятийном аппарате и методологии данной науки. Следует иметь в виду, что русские авторы, заимствовав социологию от европейцев, одними из первых в Европе начали применять социологический подход при анализе государства и права (в первую очередь это касается социологов-юристов). В России складывалась вполне самостоятельная, классическая социология права с полным набором направлений и идей, давшая вполне аутентичную ее форму. Изучение истории социологии права позволяет найти верные ориентиры для ее повторного становления.

Степень научной разработанности темы

Научную литературу, где так или иначе затрагивается тема настоящего диссертационного исследования, условно можно разбить на несколько групп.

К первой группе относятся работы, прямо посвященные либо полностью, либо частично истории социологии права в России. Среди них:

Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971 (параграф о Г.Д. Гурвиче и П.А. Сорокине).

Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. Данная работа – первое и наиболее фундаментальное исследование, где рассматривается позитивистская социология права на примере четырех ее представителей – Н.М. Коркунова, М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, Л.И. Петражицкого.

Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М.: Изд-во Московского университета, 1980 (параграф о связи позитивизма и юридической науки).

Казмер М.Э. Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. Рига, 1983. В работе исследуется процесс проникновения социологии в юридическую науку. При этом что работа по этой теме – первая и единственная (в чем ее несомненная ценность), она страдает хаотичностью, слабой системностью, носит ученический характер.

Кузнецов Э.В. Философия права в России. М.: Юрид. лит., 1989 (параграф, посвященный истории социологии права).

Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высш. шк., 1993. В отдельных главах автор задается целью показать некоторых русских юристов (Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича, Л.И. Петражицкого, М.М. Ковалевского) в качестве социологов.

Дементьева Н.М. Социология права в России второй половины XIX – начала XX столетий: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Дементьева Наталья Михайловна. – Саратов, 2010. Первая и единственная работа, где предпринимается попытка рассмотреть становление социологии права в России всесторонне, комплексно. Предметом исследования стали три направления: так называемая «государственная школа» (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), позитивистская социология права (М.М. Ковалевский, П.Н. Милуков), неокантианская социология права (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов). В работе отсутствует анализ направлений, существовавших внутри позитивистской социологии (субъективная социология права, органицизм, географизм). За рамками исследования осталась юридическая наука, где социология права представлена в наибольшей степени, а также марксистская социология права. Слабо показана связь между методологией школ и их идейным содержанием.

За последние 15-20 лет вышло несколько десятков учебных пособий по социологии права, где, как правило, отдельная глава или параграф посвящены становлению социологии права в России (работы Ю.И. Гревцова, А.В. Корнева, В.В. Лапаевой, А.Н. Медушевского, В.М. Сырых и др.).

Вторая группа работ включает в себя исследования по истории русской политико-правовой, социологической, философской и религиозной мысли, где можно почерпнуть материал, связанный с темой диссертации. Выделяются сочинения классиков русской социологии: *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996; *Ковалевский М.М.* Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // *Ковалевский М.М.* Социология. Теоретико-методологическое и историко-социологические работы. СПб., 2011; *Ковалевский М.М.* Очерк истории развития социологических учений // *Ковалевский М.М.* Социология. Теоретико-методологические и историко-социологические работы. СПб., 2011; *Сорокин П.А.* О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000. Имеют значение историко-философские работы В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, С.А. Левицкого, Н.П. Полторацкого, Н.М. Зернова, Г.В. Флоровского, А.Ф. Лосева, Э.Л. Радлова. Среди современных работ следует указать: Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1978; *Кувакин В.А.* Религиозная философия в России: начало XX ве-

ка. М.: Мысль, 1980; *Экимов А.И.* Коркунов. М.: Юрид. лит., 1983; История политических и правовых учений. XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1989; История становления советской социологической науки в 20 – 30-е годы. М.: Ин-т социологии, 1989; *Графский В.Г.* Политические и правовые взгляды русских народников (Истоки и эволюция). М.: Наука, 1993; История политических и правовых учений. XIX в. М.: Наука, 1993; *Графский В.Г.* Дореволюционная политико-правовая мысль // История политических и правовых учений. XX в. М.: Наука, 1995; *Графский В.Г.* Политические и правовые идеи в религиозно-философской литературе // История политических и правовых учений. XX в. М.: Наука, 1995; История политических и правовых учений. XX в. М.: Наука, 1995; *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX – XX вв. М.: Онега, 1995; История русской философии: Учебник для вузов. М.: Республика, 2001; История теоретической социологии. В 4 т. М.: Канон+, ОИ Реабилитация, 2002; История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общей ред. О.В. Мартышина. М.: НОРМА, 2004; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004; *Графский В.Г.* История политических и правовых учений. М.: Проспект, 2005; *Корнев В.Н.* Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века. М.: Юрлитинформ, 2005; *Буланова М.В.* Социологическое образование в России: история и современность. М.: РГГУ, 2011; История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012 и др.

Третью группу составляют исследования по истории отечественной юридической науки (или косвенно ее касаются): *Грабарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647 – 1917). М.: Зерцало, 2005; История философской мысли в Московском университете. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982; *Зубкова Л.Г., Сивова С.А.* О российской дореволюционной юридической учебной литературе // Государство и право. 1993. № 12; *Исаев И.А.* Русская юридическая наука за рубежом (20-е – начало 30-х годов) // Советское государство и право. 1994. № 7; *Кожевина М.А.* Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII – XIX вв. Омск, 2013; *Корнев А.В., Борисов А.В.* Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М.: Проспект, 2011; *Михайлов А.М.* Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012; *Моцелков Е.Н.* История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX вв.). М., 2011; *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003; *Скрипильев Е.А.* О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII – начало XX вв.) // Государство и право. 2000. № 9; *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2 т. М.: Зерцало, 2007; *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010; *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010; *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2010;

Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2013; Тульская С.А. Московское юридическое общество (1865 – 1899 гг.). Из истории развития права и правовой науки в России второй половины XIX века. М.: МПГУ, 2011; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003; Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М.: Консультант Плюс: Статут, 2003; Шиловост О.Ю. Русские цивилисты: середина XVIII – XX в.: Краткий биографический словарь. М.: Статут, 2005.

Четвертая группа – работы по теории и истории социологии и социологии права, необходимые для установления критериев социолого-правового знания. Сюда относятся труды классиков зарубежной мысли (М. Вебер, Ф. Гиддингс, Л. Гумплович, Л. Дюги, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Р. Иеринг, Г. Лебон, К. Мангейм, Дж. Ст. Милль, Р. Михельс, Г. Моска, Э. Каммингс, М. Ориу, В. Парето, У.Г. Самнер, А.В. Смолл, Г. Спенсер, Ж.Г. Тард, Тённис, Л.Т. Хобхаус, Е. Эрлих и др.) и русской (В.П. Воронцов, Г.Н. Вырубов, Е.В. Де-Роберти, Н.Я. Грот, Г.Д. Гурвич, К.Д. Кавелин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, П.Л. Лавров, П.Ф. Лилиенфельд, В.В. Лесевич, Л.И. Мечников, С.А. Муромцев, Н.К. Михайловский, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев, М.М. Троицкий, С.Н. Южаков и др.). Заслуживают внимания работы современных авторов: *Опалек К., Вроблевский Е.* Юридический позитивизм // Против правовой идеологии империализма. М., 1962; *Подгурецкий А.* Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974; *Каленский В.Г.* Государство как объект социологического анализа. М.: Юрид. лит., 1977; *Боботов С.В.* Буржуазная социология права. М.: Юрид. лит., 1978; *Кульчар К.* Основы социологии права. М.: Прогресс, 1981. (ксерокопия); *Лапаева В.В.* Конкретно-социологические исследования в праве М.: Юрид. лит., 1987; *Луковская Д.И.* Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972; *Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н.* Современная социология права: Учебник для вузов. М.: Юрист, 1995; *Карбонье Ж.* Юридическая социология / Пер. и вступ. статья В.А.Туманова. Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Благовещенск, 1998; *Глазырин В.А.* Методологические основания становления социологии права в западноевропейской социологии XIX – начала XX веков: дис... доктора соц. наук. Екатеринбург, 2006; *Масловская Е.В.* Становление современных концепций западной социологии права. Н. Новгород: НИСОЦ, 2009.

И наконец, пятая группа литературы – работы по общей теории государства и права, где поднимается проблема статуса и состава данной науки, включая социологический компонент. Это – многочисленные монографии, учебники, статьи дореволюционных юристов (Н.Н. Алексеев, Ю.С. Гамбаров, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, Ф.В. Тарановский, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и др.), а также авторов советского и постсоветского периодов (Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, М.И. Байтин, С.А. Голунский, А.И. Денисов, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, Г.В. Мальцев, О.В. Мартышин, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянц, Т.Н. Радько, М.С. Строгович, В.М. Сырых, А.И. Экимов и др.).

Объект, предмет и хронологические рамки исследования

Объект настоящего исследования – взгляды русских юристов, социологов, философов, историков, политических мыслителей на государство и право, предмет – их социолого-правовые идеи и концепции, методологические основы, особенности взаимосвязи между методологией и социологией права.

Хронологические рамки диссертации соответствуют периоду формирования в России социологии права. Первые работы, содержащие социолого-правовые идеи, появляются в 60-е гг. XIX в. (позитивистская социология права). На рубеже 20 – 30-х гг. XX в. этап формирования отечественной социологии права получает свое логическое завершение. В советской России она постепенно растворяется в историческом материализме: авторы немарксистского толка либо перестают писать, либо приспосабливаются к новой идеологии, авторы-марксисты, отказываясь от «чужеродных идей» и подраживаясь под официальную позицию, встраиваются в общий идеологический процесс. В русском зарубежье продолжают активно работать многие видные представители русской мысли (Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Е.В. Спекторский и др.). Молодое поколение авторов-эмигрантов (например, ученики Л.И. Петражицкого – Г.К. Гинс, Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев), хотя и живет еще идеями, воспринятыми ими в дореволюционной России, но уже стремится создавать собственные теории, обусловленные другой культурной средой. Рубеж 20 – 30-х гг. – черта, конечно, условная (ведь социолого-правовое знание развивалось и дальше), но она знаменует собой конец эпохи: русская дореволюционная обществоведческая наука в той форме, в какой она сложилась в XIX – начале XX в., в общем и целом к этому времени уходит.

Цели и задачи исследования

Цель настоящего диссертационного исследования – реконструкция, систематизация и анализ социолого-правовых идей и концепций русских авторов второй половины XIX – первой трети XX в., выявление их методологических оснований, установление взаимосвязи между методологией и идейным содержанием отечественной социологии права.

Для достижения поставленной цели выполняются следующие задачи:

- выявляются основные этапы становления социологии и социологии права с установлением ключевых фигур этого процесса;
- устанавливаются и анализируются особенности социологического и социолого-правового знания;
- систематизируются и анализируются основные социолого-правовые идеи и концепции по направлениям;
- исследуется идейное содержание социолого-правовых идей и концепций, их методологические основания и связь между ними;
- изучается культурная и научная среда, где формировалась отечественная социология права;
- определяются основные этапы и состав юридической науки в России, место в ней социологии права;
- исследуются неспецифические социолого-правовые идеи и концепции,

сформировавшиеся как результат негативной реакции на аутентичные формы социологии права.

Теоретико-методологические основы диссертации

Настоящее исследование проведено в соответствии с такими общенаучными принципами историко-правового анализа, как историзм, документализм, объективность и всесторонность, критичность в восприятии материала. Принцип историзма потребовал рассматривать социологию права в России как явление, включенное в общий процесс развития отечественного обществоведения и юридической науки, имеющий последовательные этапы. Согласно принципу документализма реконструкция социолого-правовых концепций проводилась на основе строгого текстуального анализа, сопоставления сочинений, написанных в разное время. При изучении сочинений необходимо было воспроизводить идейные конструкции максимально точно и объективно, выделяя не одну (хотя и самую важную), а все стороны учения, предотвращая тем самым искажение авторской позиции.

В работе использованы важнейшие методы историко-правового познания: исторический, логический, сравнительный, социологический, системный. Социология права в России рассматривалась, с одной стороны, как конкретно-историческое явление, с другой – как теоретический объект, имеющий единую логику своего развития. Сравнительный анализ позволил выделять общее, особенное и единичное в социолого-правовых воззрениях авторов, распределяя их по направлениям и школам. Благодаря социологическому методу устанавливалась связь между рассматриваемыми учениями и культурной средой, к которой принадлежали их носители. Системный метод дал возможность выявить главные элементы учений отдельных авторов, школ, направлений и, наконец, отечественной социологии права в целом в качестве системных объектов, как единые логические модели.

Помимо названных принципов и методов в работе нашли применение другие общенаучные и специальные приемы, составляющие обычный инструмент историко-правовых исследований.

Научная новизна исследования

Настоящая работа является первым в отечественной историко-правовой литературе исследованием, посвященным всестороннему анализу социологии права в России второй половины XIX – первой трети XX в. Впервые предпринимается попытка рассмотреть русскую социологию права системно и полно.

Новизна настоящего исследования состоит также в следующем:

- предложена новая концепция социологии права в России, ее развития и структуры;
- впервые обобщены и проанализированы социолого-правовые идеи и концепции представителей всех основных школ и направлений, а не только юридической науки;
- впервые предлагается и обосновывается развернутая классификация основных направлений в русской социологии права;
- впервые детально анализируются методологические основания важнейших социолого-правовых доктрин и выявляется их влияние на идейное содер-

жание данных доктрин;

- отличается новизной трактовка становления и состава отечественной юридической науки в связи с проникновением в нее социологии;

- впервые системно и полно рассматриваются социолого-правовые концепции, возникшие в результате негативной реакции на позитивистскую и марксистскую социологию.

Положения, выносимые на защиту

1. Социология права – комплексная междисциплинарная отрасль знания, возникшая благодаря исследовательской деятельности социологов, юристов, философов, историков, антропологов, этнологов, психологов, экономистов. Они создавали социологию на материале своей науки, что вело к появлению отраслевой социологии (явно или неявно выраженной), в рамках которой изучение государства и права получало особый угол зрения. Взгляды на государство и право юриста-социолога, философа-социолога, экономиста-социолога, историка-социолога, психолога-социолога, отражая специфику соответствующей науки, делали общую картину мозаичной и противоречивой, но, в конечном счете, – весьма информативной и благоприятной для будущих исследований. Таким образом, социология права в России оказалась рассредоточенной по различным отраслям знания, между разными направлениями и школами. Социология права, созданная юристами (в рамках юриспруденции), является наиболее крупным, но далеко не единственным направлением.

2. Социология права в России развивалась на основе различных философских школ – позитивизма, кантианства, неокантианства, гегельянства, марксизма, фрейдизма, феноменологии, религиозной метафизики. Позитивистская методология, ближе всего стоявшая к сути социологического подхода, дала наибольшее количество сочинений, доктрин и идей по социологии и социологии права, представила наиболее аутентичные ее формы. Вместе с тем другие, непозитивистские и антипозитивистские, подходы также сыграли заметную роль в формировании русской социологии права. Зачастую авторы использовали плюралистическую методологию, включавшую компоненты разных философских школ.

3. Формирование социологии права в России проходило во второй половине XIX – первой трети XX в. Бурный всплеск интереса к социологии (конкретно – к работам О. Конта) на Западе и в России происходит одновременно (примерно в 60-е гг. XIX в.), далее процесс развития социологии там и там идет в целом синхронно благодаря тесным научным контактам. Русские юристы начинают системно внедрять социологию в юриспруденцию раньше своих европейских коллег. Уже в 70-е гг. В.И. Сергеевич, С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров создают свои первые социолого-правовые труды, хотя и признавая при этом своим учителем Р. Иеринга. Несмотря на интенсивное развитие, процесс институционализации социологии права в России как научной и учебной дисциплины остался не завершенным. Если возможность применения социологии для изучения государства и права признавалась практически всем сообществом русских обществоведов (с разными оговорками), то вопрос о социологии права как самостоятельной дисциплине вызывал дискуссию (т.е. дело обстояло при-

мерно так же, как с философией права). Тем не менее в России в рассматриваемый период сложилась самостоятельная, оригинальная, крупная по своей роли в науке и культуре, состоящая из нескольких направлений социология права.

4. Позитивистская социология права была самым широким и влиятельным направлением. Ее несомненным достоинством было стремление создать подлинную науку, способную выявлять законы функционирования государства и права и давать данным институтам точный прогноз развития. Опираясь на классификацию наук О. Конта, авторы ставили перед собой задачу связать в единый комплекс функциональных взаимозависимостей между духовной и биологической природой человека, между социальной и природной средой его обитания. Негативной стороной неоправданного сближения обществоведения и естествознания стало грубое искажение свойств государства и права. Органицизм верно указывал на системное единство государства и права, но допускал при этом очевидный примитивизм, проводя чуть ли не прямую аналогию между ними и биологическим организмом. Географизм, как будто раскрывая связь между условиями природной среды и особенностями политико-правовых институтов, оказывался неспособным хотя бы к минимальному прогнозу (что и ждут от науки). Законы, предложенные органицистами и географистами для объяснения государства и права, нередко были не просто далекими от жизни, но воспринимались как курьез в науке.

5. Субъективная социология права (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский) – самое крупное направление в русской позитивистской социологии второй половины XIX в., не имевшее аналога на Западе. П.Л. Лавров за четверть века до Р. Риккерта, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля и М. Вебера указал на различие наук о культуре от наук о природе, связав первые с ценностями и фактически создав нормативную социологию. Поскольку социология, по Лаврову, исследует человека и общество в основном как явления культуры, ее главный метод – субъективный. В контексте такой логики государство и право оказываются результатом не столько естественноисторического процесса, сколько познающей активности субъекта. Государство и право в этом смысле глубоко субъективны, они живут по законам познающего сознания, а социологические законы их рождения, развития и функционирования относятся к сфере сознания субъекта (народа, правящего класса, отдельных лиц).

6. Психологическое направление в русской социологической и социолого-правовой мысли было одним из самых крупных, и стало оно таковым в силу своего междисциплинарного характера. Психологизм в большей или меньшей мере был присущ огромному числу авторов, так или иначе затрагивавших социолого-правовую проблематику, это – позитивисты (или тяготевшие к позитивизму) П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, В.В. Лесевич, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, И.И. Каблиц, П.Ф. Лилиенфельд, К.М. Тахтарев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, Г.К. Гинс и др.; марксисты Г.В. Плеханов, М.А. Рейснер; кантианцы П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов; феноменолог Н.Н. Алексеев. Наибольший вклад в разработку психологической социологии права внесли юристы Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, М.А. Рейс-

нер, Г.К. Гинс.

Поскольку русские социологи психологического направления считали психические процессы эпицентром социальной, политико-правовой жизни, то психология для них – либо часть социологии (социологии права), либо – ее основа. Психолого-социологический подход сыграл позитивную роль в демифологизации и демистификации государства и права, в становлении трезвого, собственно научного взгляда на них. Взгляд на власть, государство и право как на совокупность психологических реакций и механизмов объективно снижал их культурную ценность. Если, например, для Гегеля право и государство были проявлением свободы, мирового разума, торжеством высокого человеческого духа, то с точки зрения психологической, государство и право – всего лишь следствие стереотипов и рефлексов человеческой психики. Поведение человека в области политики и права определялось не столько априорными нравственными и религиозными императивами, сколько психологическими стереотипами, сложившимися в эпоху первобытного человеческого стада. Психологическая социология права, выводя на первый план психолого-биологические аспекты жизни человека в сфере политики и права, если не игнорировала полностью его рациональные качества, то весьма сильно их принижала.

7. В XIX – начале XX в. юридическая наука России включает в себя догматическую и фундаментальную (история государства и права, философия права, история философии права, энциклопедия права, общая теория права и государства, сравнительное правоведение, политика права, социология права) юриспруденцию. Русские юристы проявляют интерес к социологии на 10 лет позже политических публицистов (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский), что объяснялось консерватизмом юридической среды: отраслевика опасались, что внедрение социологии разрушит юридическую догматику. Юридический корпус разбивался на несколько основных групп. Первую составляли юристы, целенаправленно пытавшиеся соединить социологию с юриспруденцией либо путем реформирования отраслей права на основе социологии (С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров), либо разрабатывая новую социолого-юридическую методологию (Б.А. Кистяковский, Е.В. Спекторский), либо просто пропагандируя ценность социологического знания для юридической науки (В.М. Хвостов). Во вторую группу входили юристы, откликнувшиеся на социологию, но которые либо считали недопустимым внедрение социологии в юриспруденцию, либо делали на этот счет существенные оговорки. При этом и те, и другие фактически довольно успешно соединяли социологию с юридической наукой (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич). Юристы третьей группы (основная масса) оставались равнодушны к социологии и не предпринимали активных попыток использовать социологический подход в юриспруденции. Совсем редкие случаи – это полный переход юристов в социологию, что было позднее, в 20 – 30-е гг. XX в. (Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, П.А. Сорокин).

8. Социология в равной мере и с одинаковой интенсивностью проникала в догматическую и фундаментальную юриспруденцию. Такое течение дел определялось тем фактом, что обе части юридической науки реформировали, как правило, одни и те же лица. Отраслевика-социологи (С.А. Муромцев, М.М. Ко-

валевский, М.Н. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Ю.С. Гамбаров, В.В. Ивановский, Н.И. Лазаревский, М.П. Чубинский и др.) внесли главный вклад в реформирование энциклопедии и философии права, в наполнение новым содержанием политики права, в создание общей теории права, сравнительного правоведения и социологии права. Цивилист Г.Ф. Шершеневич, будучи противником имплантации социологии в юридическую догматику, много сделал для разработки общей теории права как комплексной дисциплины, включающей социологический компонент. Внутри отраслей гражданского, уголовного, государственного, международного права была проделана большая работа по социологическому переосмыслению догматического материала.

9. Взгляды юристов на место социологии права в составе юридической науки можно условно разделить на три группы. Первую группу составляли юристы, наиболее радикально настроенные в деле внедрения социологии в юриспруденцию. С.А. Муромцев и Ю.С. Гамбаров, считая социологию венцом научного знания, предлагали реформировать всю юриспруденцию (прикладную и фундаментальную) на основе социологии. В этом случае правоведение должно было стать частью социологии, что, по их мнению, придало бы всей юриспруденции подлинно научный характер. Во вторую группу входили юристы (в основном это отраслевики-догматики: С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич и др.), фактически признавшие социологию права составной частью общей теории права. При этом формально их позиция была более осторожной: опасаясь разрушительного воздействия социологии на догму права, они утверждали, что социология права – часть социологии и потому не может быть частью правоведения. Третья группа юристов (Н.А. Гредескул, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич) видела в социологии права самостоятельную дисциплину в составе юриспруденции, отличной от догмы права, философии права и общей теории права. Данный подход формировался по мере институционализации социологии права как научной и учебной дисциплины и стал вполне устоявшимся примерно к 20 – 30-м гг. XX в.

10. Общая теория права в России создавалась юристами, представлявшими как отраслевую, так и фундаментальную юридическую науку. Общую теорию права создавали юристы-социологи, юристы-догматики, юристы-философы, образуя тем самым соответствующие составные компоненты теоретико-правовой науки: социологический, догматический, философский.

11. Марксизм благодаря цельности, системности, теоретико-методологическому единству, широкому охвату эмпирических данных оказал огромное влияние на формирование целой плеяды социологов Запада и России (Ф. Теннис, М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Г. Маркузе, Э. Фромм, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич и др.). В качестве социологической доктрины марксизм получает свой статус прежде всего в среде социологов и благодаря их усилиям, теории и практики рабочего движения воспринимали марксизм в основном как доктрину научного социализма.

В России марксизм получает статус социологической науки в позитивистской среде, здесь формируется традиция воспринимать его в качестве социо-

логической теории. В дальнейшем, после Октября 1917, данная традиция будет воспринята многими большевиками-обществоведами (Н.И. Бухарин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский, Е.А. Энгель, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис). Основной массив марксистской литературы по социологии права появляется после Октябрьской революции. Особенность советской социологии права 20-х гг. состояла в соединении марксизма и идей классиков немарксистской социологии, что иногда вело к стиранию грани между марксистской и «буржуазной» социологией.

12. Для советских юристов 20-х гг., разрабатывавших общую теорию права, ее социологический компонент стал основным, т.к. догматика и философия права прочно ассоциировались с «буржуазной» наукой. Они сумели всесторонне и глубоко показать механизм взаимосвязи экономики, классовой структуры общества, права и государства, развивая базовые положения марксизма и восполняя в нем пробелы. Государство и право, с их точки зрения, вырастая из отношений производства и обмена, проходя через призму классового сознания, взаимодействуют очень опосредованно, с использованием сложной цепи социальных взаимосвязей. Право для них – часть базиса и часть надстройки, общественное отношение, форма сознания и закон, что существенно расширяло представление о праве.

13. В русской общественной мысли, всегда тесно связанной с главными проблемами дореволюционной России (земельный и рабочий вопросы, ограничение самодержавия, ликвидация культурной отсталости страны), критика позитивизма и марксизма, как правило, сопрягалась с политической борьбой консервативных кругов против революционного и либерального движения. Марксизм и позитивизм воспринимались не только как научные школы, но также как идеологическое оружие, направленное против самодержавия и традиционных общественных устоев. Позитивисты (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев), гегельянцы (Б.Н. Чичерин), кантианцы (А.С. Лаппо-Данилевский, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов), религиозные метафизики (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк), создавая альтернативные социолого-правовые теории, не просто вели научную дискуссию, но отстаивали, как правило, консервативные ценности уходящей России. Альтернативная социология права во многом была вызвана революционным брожением и страхом перед революцией со стороны господствующих классов и значительной части русской интеллигенции. Антипозитивистские и антимарксистские социолого-правовые доктрины в значительной мере отходили от естественно-научной методологии, делали ставку на идеализм и религию, заменяя теорию прогресса религиозной эсхатологией. При этом в их арсенале оставались научная терминология, стремление выявить объективные свойства государства и права, отыскать их функциональные зависимости и локальные закономерности.

14. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева во многом продиктована скептическим отношением к возможностям европейской культуры, их ориентацией на консерватизм, антилиберализм и национализм. Они поставили под вопрос универсальность европейских ценностей, предложили отказаться от европоцентризма. В теории циклов Н.Я. Дани-

левского и К.Н. Леонтьева наблюдаются два неравноправных компонента – идеологический (главный) и научный (подчиненный). Оба автора выстраивают конструкции, внешне основанные на естественнонаучном знании и позитивизме (в форме органицизма), но призванные обосновать политические и идеологические цели. При всей оригинальности данных концепций в их основе лежат умозрительные фикции, субъективные аксиомы, под которые подбирается нужный эмпирический материал. Важная особенность аргументации – апелляция к религии, что придает концепциям иррациональный характер. Предмет внимания обоих авторов – государство, закономерности его происхождения, развития и функционирования. Притом что идеологическая составляющая концепций Данилевского и Леонтьева ведущая, они ставят проблемы, представляющие несомненный интерес для социологии государства и права.

15. Несмотря на то что философия Гегеля воспринималась позитивистами в России как пример «туманной метафизики», далекой от подлинной науки, между гегельянством и социологией нет антагонистического противоречия. Панлогизм гегелевской философии ориентировал на поиск социальных закономерностей, на открытие функциональных связей между природой и обществом, между духовной и эмпирической жизнью людей. Данная установка была принята Б.Н. Чичериным – главным представителем русского гегельянства. Отвергая позитивизм и контовскую социологию за отрыв от религии и метафизики, русский гегельянец создал собственную социологию права, основанную на единстве метафизики, естествознания и религии. За формальным отрицанием позитивистской социологии стояло фактическое использование ее познавательного арсенала: были взяты на вооружение метод структурно-функционального анализа и теория прогресса; общество, государство и право рассматривались как системные объекты; поиск взаимосвязи между природными и социальными факторами и политико-правовыми институтами; установление закономерности в сменяемости государств и их форм.

16. Несмотря на широчайшее распространение кантианства и неокантианства в обществоведении, способность данных направлений служить методологической основой социологии права встречала объективные трудности. Естественнонаучный дух кантовского дуализма (ноумены и феномены) в целом не противоречил «первому позитивизму», Канта и Конта сближали агностицизм и стремление систематизировать научное знание. Пафос создания подлинной науки был присущ и основателям Марбургской и Баденской школ. Неокантианцы предложили устранить противопоставление познающего субъекта и «вещи в себе» при помощи сведения второго к первому. В этом случае действительность становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась к логике, объективные закономерности бытия отрицались и заменялись априорными законами разума. Познающий субъект, изучая предмет, фактически творил его в собственном сознании, реальность представала в качестве совокупности понятий о ней. В этом случае государство и право оказывались не объективными «вещами в себе», а трансцендентально-логическими построениями познающего субъекта. Соответственно, предмет социологии права переводился из сферы эмпирики в сферу сознания.

Неокантианская методология при рассмотрении государства и права в большей или меньшей степени представлена у П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, В.М. Хвостова, П.Б. Струве, В.А. Савальского, И.А. Ильина, Л.И. Петражицкого, Г.Д. Гурвича, С.И. Гессена, П.А. Сорокина. Русские неокантианцы пытались найти закономерности, функциональные связи и системные свойства не столько в самих эмпирических феноменах государства и права, сколько в их логических моделях, присущих общественному и научному сознанию. Следуя идеям Баденской школы, они подчеркнули принципиальное различие между социальной и природной материей, чем серьезно скорректировали позитивистскую социологию права.

17. Если в общественной жизни русские религиозные философы последней трети XIX – начала XX в. (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.) пытались оправдать и обосновать (в большей или меньшей степени) политическую реакцию со стороны абсолютизма, то в сфере мысли они имели в виду более широкую задачу: поставить под сомнение рационалистические основания философии и общественной науки (прежде всего социологии), научное познание дополнить откровением, верой в Бога. Процесс познания государства и права становится у них частью богопознания. Отвергнув позитивистскую социологию, поскольку та не нуждалась в опоре на Бога, религиозные философы предприняли попытку создать собственную христианскую социологию. Ими не отвергаются закономерности в происхождении, развитии и функционировании государства и права, системность и прогрессивный рост их свойств, признается существенная роль их эмпирической основы, но все это – исключительно в системе религиозной картины мира. Главная постулируемая ими закономерность сводилась к христианской эсхатологии: государство и право, возникнув вследствие акта грехопадения и развиваясь по направлению к Царству Божьему, закончат свое существование с концом земной жизни. Заслуга русских религиозных философов состояла в том, что они показали слабые стороны позитивистской социологии права, заставив взглянуть более реалистично на ее познавательные возможности. Поскольку любая наука антропоморфна, связана со свойствами разума и психологии человека, доказывали они, то всякое научное знание относительно, а открываемые ей закономерности государства и права условны.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Настоящее диссертационное исследование восполняет пробелы в отечественной историко-правовой науке, делает более точным и глубоким понимание процесса становления социологии права в России. Обобщение материала по истории и теории социолого-правового знания создает дополнительные условия для изучения социологии права, общей теории государства и права и юридической науки в целом. Идеи и концепции (многие из них прочно забытые), поднятые и рассмотренные в диссертации, могут служить добротным материалом для анализа с целью последующего включения их в орбиту теоретико-правовой и социолого-правовой науки. Имеет теоретическое значение анализ взаимодействия социологии с теоретико-правовой и отраслевой юридической наукой, общей теорией государства и права и догматической юриспруден-

цией. Изучение форм такого взаимодействия, заложенных более 100 лет назад, позволит лучше понять особенности структуры современной отечественной юридической науки, динамику и основные тенденции ее развития. Рассмотрение русской социологии права в широком историко-культурном контексте (влияние теории культурно-исторических типов, гегельянства, кантианства, религиозной метафизики) создает предпосылки для изучения данной темы на междисциплинарном уровне, совместно с социологами, философами, историками, культурологами.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при написании учебных курсов, чтении лекций и проведении семинарских занятий по социологии права, истории и методологии юридической науки, истории политических и правовых учений, теории государства и права.

Апробация результатов исследования

По теме диссертационного исследования опубликованы монографии и научные статьи, сделаны доклады на конференциях и «круглых столах». Материалы диссертации в течение ряда лет используются автором при чтении лекций по истории политических и правовых учений, теории государства и права, на отдельных спецкурсах.

Структура диссертации состоит из введения, пяти глав, разделённых на параграфы, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются актуальность темы диссертации, степень её разработанности, объект, предмет, хронологические рамки, научная новизна, цель, задачи и теоретико-методологические основы исследования, источники и практическая ценность работы.

В первой главе «Социология права как наука: история и теория» рассматриваются особенности становления социологии и социологии права, обосновывается концепция формирования социолого-правового знания.

В первом параграфе «История социологии» раскрываются характерные черты социологии, основные этапы ее развития и главные направления. В диссертации утверждается, что социология – это наука, изучающая общество как системный объект, состоящий из элементов, функционально между собой связанных. Социология ставит перед собой цель выявить структуру общества, природу социальных взаимосвязей, закономерности развития и функционирования социальных институтов и общества в целом с опорой на факты материальной и идеальной реальности. Признаки социологического анализа можно встретить в различных эпохах (античность, средневековье, Новое время), но в строгом смысле слова социология возникает в XIX в., а ее основателем следует признать О. Конта. Во второй половине XIX – начале XX вв. социология окончательно формируется в самостоятельную отрасль знания со всеми необходимыми для этого атрибутами (научные труды, учебные курсы, специализированные кафедры и факультеты, ученые степени и многочисленные научные кадры). Наиболее весомый вклад в становление социологии внесли ученые Фран-

ции (Э. Дюркгейм, Ж.Г. Тард, Г. Лебон), Германии (Ф. Тённис, Г. Зиммель, М. Вебер, В. Зомбарт, К. Мангейм), Англии (Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер, Л.Т. Хобхаус), США (А.В. Смолл, У.Г. Самнер, Ф. Гиддингс, Э. Каммингс), Италии (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс) и России.

История социологии включает в себя (несколько условно) два основных этапа: классическая социология (середина XIX – первая треть XX вв.) и современная (20 – 30-е годы XX – начало XXI вв.). На первом этапе происходит оформление социологии как самостоятельной отрасли знания. Возникнув на междисциплинарном пограничье, классическая социология страдает эклектизмом, теоретической и методологической аморфностью, отсутствием более или менее четких границ. Вместе с тем тексты классиков социологической мысли содержат идеи и методологические подходы, которые не утратили актуальности и способны давать ориентиры современным научным исследованиям. В отличие от классической современная социология отличается высокой степенью дифференциации, широким использованием прикладных методов, сложной методологической базой.

Во втором параграфе «Становление социологии права» обосновывается идея, согласно которой социология права создавалась как юристами, так и представителями других отраслей гуманитарного знания (философами, историками, антропологами, экономистами, психологами и др.). Социология права, созданная юристами (Р. Иеринг, Л. Гумплович, Е. Эрлих, Л. Дюги, М. Ориу, Е. Леви, А. Леви-Брюль, Л.И. Петражицкий, Г. Гурвич, Р. Паунд, К. Ллевеллин, Дж. Фрэнк и др.), – наиболее крупная ее часть. Взаимодействие социологии и юриспруденции шло по трем основным направлениям: 1) внутри отраслевых юридических наук; 2) путем изучения права и государства как абстрактно взятых институтов (что привело к появлению различных социологических школ права); 3) наращивание эмпирических, прикладных исследований. В первых двух случаях главную роль сыграли юристы, в третьем – по преимуществу социологи (почему эту часть социологии права нередко называют юридической социологией).

Несмотря на объективную потребность, социология права как научная и учебная дисциплина расширяла сферу своего влияния с большими трудностями. Даже к середине XX в. на Западе еще не было полной ясности с ее официальным статусом. Главной причиной медленного становления дисциплины было сопротивление со стороны юристов и социологов, которые отказывали ей в научном статусе. Юристы опасались размывания нормативного характера права, а социологи – внесения в их науку оценочного компонента. Делается вывод, что социология права, возникнув как междисциплинарная отрасль знания, так и не смогла приобрести теоретического и методологического единства. При сохранении интегративной тенденции разрыв между теоретической социологией и прикладной, юриспруденцией и социологией никогда не был преодолен и со временем только увеличивался. Все это вело и ведет к разному в понятийном аппарате, создает препятствия для полноценного диалога представителей разных социолого-правовых школ.

В параграфе показывается значение для становления социологии права

естественно-правовой и исторической школ права, а также юридической догматики.

В третьем параграфе «Социология права в России» дается общая характеристика основных направлений отечественной социолого-правовой мысли. В диссертации отмечается, что ввиду тесных научных контактов русских ученых с европейскими социология в России и Европе развивалась практически параллельно и в рамках схожих направлений (исключение составила субъективная социология). Полномасштабное появление социологии в России приходится на конец 60-х годов XIX в. В это время создаются сочинения, не просто пропагандирующие модные европейские идеи, но демонстрирующие зрелость и самобытность их авторов. Как верно указывал классик русской социологии Н.И. Кареев, рождение самостоятельной социологической мысли в России связано с тремя именами: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков. Исторически первым и главным направлением была позитивистская социология, объединившая ее приверженцев (К.Д. Кавелин, М.М. Троицкий, Г.Н. Вырубов, Н.Я. Грот, Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареев) на принципах безграничной веры в науку и социального оптимизма. Первые работы юристов, где так или иначе используется социологический метод, появляются лишь в конце 70-х годов XIX в., т.е. через 10 лет после начала политико-публицистической деятельности социологов-народников. Ядро социологов-юристов составили молодые преподаватели Московского университета (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, А.Н. Чупров, И.И. Янжул, Ю.С. Гамбаров), для которых социологический подход стал определяющим в их исследованиях.

Критический компонент социологии делал ее неудобной для власти как дореволюционной, так и советской России, что обусловило ее периодическое запрещение.

Во второй главе «Позитивистская социология права» анализируются социолого-правовые направления, основанные на методологии позитивизма, показывается связь между позитивистской философией и социологией права.

В первом параграфе «Социология права и позитивизм» раскрываются основные положения позитивистской философии, используемые социологами права в качестве методологии своих исследований.

В подпараграфе 1.1 «Позитивизм в России: этапы растущего влияния» отмечается, что в деле формирования социологии права в России главную роль сыграл «первый позитивизм» (О. Конт, Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер), «вторая» (махизм, эмпириокритицизм) и «третья» (неопозитивизм) его формы в силу разных причин имели более скромное значение. Первое проникновение идей позитивистской философии в Россию было опосредованным и относится к 30 – 40-м годам XIX в. В 60 – 70-е годы позитивизм приобретает широкомасштабную популярность, становится полноценным философским направлением, которое пропагандируют и творчески развивают публицисты и профессиональные философы. На рубеже 70 – 80-х годов позитивизм приходит в науку, становясь мировоззренческой и методологической основой многих русских ученых в области математики, механики, физики, астрономии, химии, биологии, физиологии, психологии, истории, юриспруденции, искусство- и литературоведения.

Делается вывод, что позитивизм дал социологии и социологии права больше, чем любое другое философское направление. На основе позитивизма были созданы наиболее аутентичные, классические источники.

В подпараграфе 1.2 «Биология и дарвинизм» утверждается, что под влиянием естествознания русские социологи сделали значительный шаг вперед в познании государства и права. В качестве методологической основы они брали контовскую классификацию наук, где социология следовала сразу за биологией. Ими был сделан вывод, что социальные законы есть трансформированные законы животного и растительного мира. Биологические свойства человека, его животная природа, полагали они, в значительной мере определяют поведение человека, задают параметры его деятельности. Подобно тому, как натуралист изучает животное или растение, социолог должен был рассматривать человека и институты, им созданные. Если биолог выявляет законы и закономерности в жизни животных и растений, то социолог, изучая инстинкты и рефлексы человека, вполне способен открывать стереотипы социального поведения, т.е. те же законы. Проведение аналогии между обществом и биологическим организмом при всей грубости такого приема освобождало политико-правовое знание от религиозной телеологии, метафизики и мистики. Дарвинизм, влияние которого не избежал ни один русский социолог-позитивист, позволил показать связь биологических механизмов жизнедеятельности людей с социальными формами, что открывало большие перспективы для изучения государства и права с позиции строгой науки.

В подпараграфе 1.3 «Эволюционизм и теория прогресса» отмечается, что эволюционизм формировался одновременно социологами (О. Конт, Г. Спенсер, Э.Б. Тайлор) и биологами (Ч. Дарвин), так как обе науки были заинтересованы в теории, способной предложить универсальную модель развития мира (природного и социального). Для эволюционизма источник развития социального и природного мира лежал в нем самом и не зависел от человеческой воли. Общественная наука, таким образом, получала идею естественного саморазвития социальных институтов. Социальная жизнь, история человечества встраивались в общемировой эволюционный процесс, подчиняя государство и право безличным законам природы. Эволюционный процесс представлял как нескончаемая цепь причинно-следственных связей, установление которых позволяло выдвигать научные гипотезы о ранних, документально не зафиксированных социальных формах человеческой истории, и пытаться прогнозировать будущее развитие государства и права.

При всей своей плодотворности концепция эволюционизма серьезно ограничивала возможности социологии (социологии права) и потому была дополнена теорией прогресса. Если эволюционизм, подводя под общество и природу единые законы развития, сближал их (а у органицистов – отождествлял), то теория прогресса акцентировала внимание на различии природных и социальных явлений. В теории прогресса в центр исследовательского интереса ставился субъективный фактор, изучалось влияние человека на ход исторического процесса. Социология хотя и претендовала на роль бесстрастной науки, своего рода точного фиксатора свойств изучаемых объектов, нуждалась, тем не менее,

в поиске смысла, направленности человеческой истории, пыталась определить вектор развития государства и права.

В диссертации делается вывод о двойственности теории прогресса: с одной стороны, она ориентировала на поиск исторических закономерностей в развитии государства и права, но с другой – вносила в социологию права ценностный и идеологический компоненты, что снижало ее научный уровень.

В подпараграфе 1.4 «Законы и закономерности» утверждается, что хотя русские социологи-позитивисты и пытались смягчить контовскую идею о тождестве законов природного и социального мира, в целом ее принимали и направляли основные усилия на поиск и обоснование социальных законов. Различались два вида социологических законов: 1) законы социальной эволюции (закономерности), устанавливающие последовательность в развитии и смене социальных форм и учреждений; 2) законы, устанавливающие зависимость социальных явлений между собой и от других факторов. Разработка теории социологического закона велась как в методологическом, так и в содержательном аспектах. Одни авторы (С.Н. Южаков, А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд, Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев) много сделали для обоснования категории социологического закона, другие (в основном это социологи-историки и социологи-юристы: К.Д. Кавелин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, В.М. Хвостов, П.А. Сорокин) попытались наполнить эту категорию конкретно-историческим материалом.

Во втором параграфе «Субъективная социология права» отмечается, что субъективная социология – наиболее крупное направление в русской социологической мысли второй половины XIX в. Его главные представители – П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, в дальнейшем субъективную социологию развивали В.В. Лесевич, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, Л.Е. Оболенский, И.И. Каблиц и многие другие. С самого начала своего возникновения субъективная школа развивалась в качестве методологического средства обоснования народнической идеологии. Теоретические истоки субъективного метода лежат в гносеологии Д. Юма, И. Канта и О. Конта, согласно которой объективная реальность определяется особенностями индивидуального сознания. Отчасти субъективный метод близок к феноменологии – идеалистическому философскому направлению первой трети XX в., где постулировалось единство сознания и предметного бытия, субъекта и мира объектов. В контексте логики субъективной социологии государство и право оказываются, в конечном счете, проекцией, продуктом индивидуального сознания. Факт их существования удостоверяется личностным восприятием, опирающимся на соответствующий ценностный идеал. Поскольку реальность настоящего, по Лаврову, вырастает из видения прошлого, существующие государство и право есть творческий акт познающего сознания. Мысль не только творит историю государства и права и живет в ней, она определяет их будущее и настоящее. Современные государство и право таковы, каковыми они видятся субъекту в их исторической ретроспективе. Субъективное сознание, создавая концепцию исторического бытия политико-правовых институтов, фактически закладывает их будущие основы. Таким образом, государство и право оказываются результатом не столько есте-

ственноисторического процесса, сколько познающей активности субъекта. Государство и право в этом смысле глубоко субъективны, они живут по законам познающего сознания, а социологические законы их рождения, развития и функционирования относятся к сфере сознания субъекта (народа, правящего класса, отдельных лиц).

Закономерным следствием такого подхода выглядела апелляция Лаврова к критически мыслящей личности как главной движущей силе истории: именно такие личности своей волей и разумом определяют ход развития государства и права в сторону прогресса. Иными словами, в основу государства и права была положена не экономика, и даже не политика, а сознание и воля личности, ее творческая деятельность. Субъективная социология указывала на сознательно-волевою установку активного меньшинства как на подлинную природу государства и права. Пример тому – народническая теория революции, где последняя рассматривалась как проекция субъективного сознания вовне, внешняя форма проявления идеала. Новые государство и право, следуя логике Лаврова, возникают из горнила революции потому, что сознание революционной группы уже содержит некие императивы будущей государственности. Революционное сознание субъекта разрушает массовые стереотипы власти- и правоотношений и навязывает сознанию большинства новые нормы поведения в сфере политики и права.

В третьем параграфе «Органическая социология права» делается вывод, что органическая школа возникает одновременно в Европе (Г. Спенсер, А.Э.Ф. Шеффле, Р. Вормс, А. Эспинас) и России (Н.Д. Ножин, А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд, Я.А. Новиков, П.А. Кропоткин, Н.Г. Воронов, П.Г. Виноградов) во второй половине XIX в. практически вместе с появлением самой социологии. Среди всех других позитивистских направлений именно органицисты больше других требовали установления тесной связи между биологией и социологией вплоть до полного их отождествления. Вместе с тем категоричность органицистов имела свое позитивное значение и оправдание. Их стремление приблизиться по точности к естествознанию объективно ставило вопрос о специфике социальной науки, ее познавательных возможностях. С одной стороны, гротескные результаты первых органицистов продемонстрировали необоснованные претензии социологии на статус «строгой и точной науки», что вносило в научный мир здоровый скепсис. Но с другой – благодаря органическому подходу из социальной науки изгонялись ненаучные компоненты (идеология и ценности).

Органицистам удалось показать, что вполне правомерно рассматривать общество, государство и право как целостные системные объекты. Научный компонент органической социологии права состоял в том, чтобы рассматривать политико-правовые институты как часть эмпирического мира, развивающегося по определенным законам. Физическая и духовная компоненты человека, окружающая его природная среда в значительной мере делали государство и право составной частью действительности во всей ее полноте. Государство и право представляли организмами в той мере, в какой они были частью этой действительности. Единство социального и природного доказывается, с точки зрения

органицистов, данными антропологии. Человек изначально был и остается стадным существом, его первобытные свойства, сложившиеся в доисторическую эпоху, и в настоящее время лежат в основе социального поведения. Базовые стереотипы поведения современных и первобытных человеческих коллективов – одни и те же. Общество и государство являются организмом потому, что первобытность и стихийность – их неразложимое ядро, определяющее все остальные его проявления.

Особенность подхода органицистов состояла в том, что, проводя аналогию между биологическим организмом и государством, они, тем не менее, включали в последнее и культурный компонент (сознание, нравы, традиции, историческую память, институциональные связи). Социокультурные составляющие государства, рассуждали органицисты, хотя и имели собственную, духовную, природу, были, в конечном счете, подчинены биологическим механизмам. Органическая социология поставила актуальную проблему преемственности политико-правовых форм. За рассуждениями о рождении и смерти государств и их правовых систем стояли важные вопросы о единстве и разнообразии мировой политико-правовой культуры, об одновременной преемственности и прерывности национальных политико-правовых форм, об общем векторе развития государства и права на протяжении всей истории человечества.

Органическая теория, акцентировав внимание на природной, естественной стороне жизни государства и права, отодвигала на задний план сознательно-волевою составляющую данных институтов.

В четвертом параграфе «Географическая социология права» анализируются воззрения русских авторов на связь природных условий и политико-правовых институтов. Географическое направление в политической и социологической мысли – одно из древнейших. Позитивистская методология, развитие антропологии, этнологии и географии – все это создавало благоприятные условия для интенсификации социологических исследований по части зависимости общества от природной среды. Формирование географической социологии собственно и было одним из этапов, одной из сторон, одним из элементов более общего процесса становления теоретической социологии как универсальной общественной науки. Роль основоположников позитивистской социологии здесь была больше методологической, чем содержательной. Основной вклад в создание географической социологии внесли историки, этнологи, географы, как правило, позитивистской ориентации, для которых природная среда обитания человека была предметом специальных исследований (в Европе – Г.Т. Бокль, К. Риттер, Ф. Ратцель, Ж.Ж.Э. Реклю, А. Маттеуци, в России – Л.И. Мечников, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.П. Щапов, евразийцы).

Социология, поставив перед собой задачу показать связь между политико-правовыми формами и природной средой, сразу же продемонстрировала относительную слабость своего методологического аппарата в такой тонкой области. Человеческий коллектив, попадая в те или иные климатические и географические условия, конечно же, стремится приспособиться к ним, что накладывает отпечаток на образ жизни и быт людей, организацию производства, семейных и властных отношений, определяет специфику их религиозных и эсте-

тических воззрений. Археология, антропология, этнология, сравнительная история, сравнительное правоведение на рубеже XVIII – XIX вв. зафиксировали данный факт, подведя под него солидное научное обоснование. Вместе с тем стремление социологии подняться над эмпирическим материалом, представленным специальными науками, на уровень широких теоретических обобщений зачастую оборачивалось созданием надуманных, искусственных схем. Стандартный подход заключался в том, чтобы показать связь между природными условиями и политико-правовыми формами народа посредством его этнических и расовых особенностей. В этом случае фактическим предметом обсуждения становились антропологические свойства народа, его расовая принадлежность, национальный характер и культура. Такие изыскания со стороны европейских ученых XIX – первой трети XX в. нередко заканчивались выводами об отсталости или даже неполноценности неевропейских народов и, соответственно, их политико-правовых форм.

В отличие от европейской русская географическая социология, как правило, избегала такой вульгарной прямолинейности и предлагала более сдержанный подход. Природные условия рассматривались как фактор, способный задавать направление развития этноса, но жестко не предопределяющий его социальные формы. Вместе с тем географический подход демонстрировал слабость: он всегда требовал некоего дополнительного опосредуемого звена либо в виде экономики, либо культуры, либо расовых и этнических особенностей. Между природными условиями и политико-правовыми формами всегда лежит посреднический элемент, делающий данную корреляцию слабой, неточной, вероятностной. Географическая социология права делает выводы, в которых гипотеза играет очень большую роль.

В пятом параграфе «Психологическая социология права» подчеркивается, что позитивистская философия, нацеленная на объединение естествонаучного знания и обществоведения, стимулировала соединение социологии и психологии. Философы, историки, географы, этнографы, антропологи, биологи и, конечно, психологи, формируя социологическое знание, активно использовали данные психологии. Постепенно психология прочно входит в состав социологии, становится одновременно ее предметом и методом.

Психологическое направление в русской социологической и социолого-правовой мысли было одним из самых крупных и стало оно таковым в силу своего междисциплинарного характера. Психологизм в большей или меньшей мере был присущ огромному числу авторов, так или иначе затрагивавших социолого-правовую проблематику, это – позитивисты (или тяготевшие к позитивизму) П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, В.В. Лесевич, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, И.И. Каблиц, П.Ф. Лилиенфельд, К.М. Тахтарев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, Г.К. Гинс и др.; марксисты Г.В. Плеханов, М.А. Рейснер; кантианцы П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов; феноменолог Н.Н. Алексеев. Наибольший вклад в разработку психологической социологии права внесли юристы Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Г.Д. Гурвич, Н.С. Тимашев, М.А. Рейснер, Г.К. Гинс.

Рассмотрение власти, государства и права с психолого-социологической точки зрения сыграло весьма позитивную роль в демифологизации и демистификации данных институтов, лишении их ореола святости, в становлении трезвого, собственно научного взгляда на них. Во все времена (включая настоящую эпоху) одна из важнейших задач политического класса – придать политико-правовым институтам значение огромной культурной ценности, связать их роль с высочайшими запросами человеческого духа и исторической судьбой народа. Вместе с тем человек и общество – биологические организмы, государство и право – часть природы, на которую распространяются ее законы. Вот эту природную составляющую и попыталась показать психологическая социология права (более или менее удачно). Взгляд на власть, государство и право как на совокупность психологических реакций и механизмов объективно снижал их культурную ценность. Если, например, для Гегеля право и государство были проявлением свободы, мирового разума, торжеством высокого человеческого духа, то с точки зрения психологической, государство и право – всего лишь следствие стереотипов и рефлексов человеческой психики. Психолого-социологическая трактовка предполагала, что право и государство были не столько элементами культуры, сколько природными явлениями. Поведение человека в области политики и права определялось не столько априорными нравственными и религиозными императивами, сколько психологическими стереотипами, сложившимися в эпоху первобытного человеческого стада. Психологическая социология права, выводя на первый план психолого-биологические аспекты жизни человека в сфере политики и права, если не игнорировала полностью его рациональные качества, то весьма сильно их принижала.

Исходной точкой психолого-социологической теории стало признание государства и права фактом жизни, эмпирическими явлениями во всей их природной необходимости. Такой подход имел двоякое следствие. С одной стороны, провозглашенный позитивизмом агностицизм стимулировал научное познание психологических механизмов, связанных с функционированием политико-правовых институтов. Но с другой – мистифицировал феномен жизни, отнес его первопричину к сфере иррационального. Психологическая социология права здесь была близка к философии жизни, берущей свое начало от Шеллинга, Шопенгауэра и Ницше и усматривавшей в феномене жизни иррациональное начало.

В третьей главе «Социология и юридическая наука» рассматривается процесс проникновения социологии в юридическую науку, анализируется место социологии права среди юридических дисциплин.

В первом параграфе «Юридическая наука в дореволюционной России» исследуется процесс становления юридической науки и ее состав.

В подпараграфе 1.1 «Становление юридической науки и образования» отмечается, что отечественное образование и наука (в т.ч. юридическая наука) приходит к нам из Европы в качестве составного элемента такого известного исторического феномена, как «западное культурное влияние». Ученый период русской юридической науки заканчивается примерно к середине XIX в. Во второй половине XIX – начале XX в. наши ученые создают тексты,

способные конкурировать с лучшими европейскими образцами. То есть через 150 лет после начала петровских реформ русская юридическая наука достигает уровня европейской, начинает развиваться синхронно с ней (благодаря свободному культурному обмену), а по отдельным направлениям даже ее опережает. Во второй половине XIX в. догматическая юриспруденция, философия права, общая теория права, социология права развиваются в Европе и России параллельно и примерно с одинаковой скоростью. Отраслевые юридические науки не просто заимствовали догматический материал из европейских источников, но фактически создавали собственную догматику, основанную на российской традиции права. Так же как и в Европе, юридическая наука в России развивалась в теснейшем взаимодействии с университетским образованием, а лучше сказать – университеты и создали юридическую науку.

В подпараграфе анализируются университетские уставы дореволюционной России.

В подпараграфе 1.2 «Догматическая юриспруденция» рассматриваются основные факторы, повлиявшие на становление отечественной юридической догматики. Делается вывод, что юридическая догматика становится наукой, когда перестает воспринимать себя придатком юридической практики, когда приобретает качество самостоятельного субъекта, сознательно влияющего на процесс правотворчества и правоприменения. Данная трансформация в Европе происходит примерно на рубеже XVIII – XIX вв., в России – не намного позднее. По мнению многих дореволюционных юристов, в России XVII – XVIII вв. юридической догматики как науки еще нет. Подлинно научный дух в отечественной юриспруденции появляется благодаря влиянию исторической школы права, в более широком смысле – благодаря повороту наших юристов к истории права и государства и широкому внедрению исторического метода. Благоприятность такого поворота состояла в том, что перед юристами стояла задача не просто осваивать догматический материал Запада, а создавать свой собственный на основе русской традиции права. В становлении русской отраслевой догматики (как и в целом юридической науки) важнейшую роль сыграла юридическая практика: кодификация 30 – 40-х гг. и реформы 60 – 70-х гг. XIX в. Потребность в усилении эффективности правового регулирования, в повышении уровня правотворчества и правоприменения в решающей степени стимулировала формирование национальной школы догматической юриспруденции. Проведенная кодификация накопила опыт догматической обработки собственного законодательного материала, способствовала четкому структурированию и дифференциации отраслей права, что в исторически короткие сроки было адаптировано юридической наукой и юридическим образованием.

В подпараграфе 1.3 «Фундаментальная юридическая наука» автор констатирует, что в континентальной Европе и России в XIX – начале XX в. юридическая наука сложилась в составе прикладной (отраслевой) юридической науки и фундаментальной (философия права, история философии права, энциклопедия права, история государства и права, общая теория права и государства, сравнительное правоведение, политика права, социология права). Прикладная и фундаментальная юридические науки имели по большей части разные культур-

но-исторические корни, разные причины и основы возникновения. Если догматика права появляется как ответ на запросы практики, как инструмент, влияющий на правовое регулирование, то основа фундаментальной науки – потребность в познании. Различие состояло еще и в том, что догму права разрабатывали профессиональные юристы, фундаментальную науку (наряду с юристами) – философы, историки, социологи. Неюридический компонент (на уровне персоналий и идей) изначально делал фундаментальную юридическую науку эклектичной, рыхлой, внутренне противоречивой. Именно в рамках фундаментальной науки наблюдается интенсивное привнесение идей из неюридической сферы знания и их острая борьба. Именно фундаментальная наука в России была наиболее зависимой от европейского идейного влияния (кантианство, гегельянство, позитивизм, марксизм и т.д.). Одно из следствий эклектического состояния фундаментальной науки – размытые границы между ее дисциплинами, пересечение их по предмету исследований и проблемной тематики, бесконечный и бесплодный спор об их статусе в юридической науке, (продолжающийся у нас и поныне). Период XIX – начала XX в. знаменовался их борьбой и взаимным влиянием, что, в конечном счете, и обеспечило интенсивное развитие фундаментальной науки.

В подпараграфе 1.3.1 «Энциклопедия права» отмечается, что данная дисциплина – одна из наиболее ранних, возникшая в Германии в XVI – XVII вв. В XIX в. энциклопедия права предстает как эклектическая дисциплина, соединявшая в себе две части – общетеоретическую и отраслевую. Общетеоретическая часть могла включать в себя теоретико-догматический компонент (принципы и понятия общей теории права), отдельные сведения по философии и истории права, истории философии права, отраслевая часть, как правило, состояла из конспективного изложения основ отраслевых юридических наук. В таком виде энциклопедия права играла по большей части роль учебной, а не научной дисциплины. В образовательном процессе она, как правило, воспринималась в качестве пропедевтической дисциплины, призванной подготовить студентов к изучению отраслевой науки. К концу XIX в. и в Германии, и в России энциклопедия права как научная дисциплина деградирует.

В подпараграфе 1.3.2 «Философия права» указывается, что в России во второй половине XVIII – первой трети XIX в. философия права существовала в форме естественного права (В. Дильтей, Ф.-Г. Баузе, К.-Г. Лангер, А.П. Куницын), в 30 – 40-е гг. – в форме гегельянства (П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин). В XIX – начале XX в. в России (как и в Германии), философию права разрабатывали прежде всего и в основном юристы, хотя сама дисциплина и не была предусмотрена университетскими уставами. Академическая философия права в России второй половины XIX – начала XX в. довольно четко разбивается на два основных направления: метафизическое (в форме гегельянства (П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин), кантианства (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой), феноменологии (Н.Н. Алексеев) и религиозной метафизики (И.А. Ильин)) и позитивистское (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич и др.). В отличие от позитивистов, которые сомневались в самостоятельном статусе философии права, идеалисты всегда исходили из ее особого положения в составе юриспруденции. Философия пра-

ва, с их точки зрения, становилась ядром фундаментальной юридической науки с самостоятельным статусом в силу того факта, что только она могла разрешать коренные, мировоззренческие вопросы бытия права и государства.

В подпараграфе 1.3.3 «Общая теория права» отмечается, что общая теория права возникает примерно во второй половине XIX в. на основе энциклопедии права и философии права. Поскольку философия права страдала оторванностью от жизни, а энциклопедия права растворялась в отраслевой науке, необходима была дисциплина, которая на высоком абстрактном уровне могла бы исследовать позитивное право и делать теоретические обобщения, имеющие значение для отраслевой науки. Общая теория права создавалась юристами, представлявшими как отраслевую, так и фундаментальную юридическую науку. В России общая теория права задумывалась и фактически создавалась как комплексная юридическая дисциплина, нацеленная на всестороннее изучение права и государства в философском, историческом, догматическом и социологическом отношениях.

Большинство отраслевиков, как правило, не имели дополнительной мотивации, чтобы заниматься проблемами общей теории права. Все это вело к тому, что и в начале XX в. отраслевая юридическая наука продолжала оставаться слабо связанной с общей теорией права. Соединение между ними шло по линии догмы права, но с разной интенсивностью: поскольку теоретики права опирались в своих исследованиях на отраслевой материал, их зависимость от отраслевой науки всегда была выше. Важнейшими факторами, ослаблявшими взаимоотношения между отраслевой и теоретико-правовой науками, были недогматические компоненты последней. Философия права, история права и социология права по своим задачам и методологии слишком отличались от юридической догматики, что вело к четкому разделению отраслевой науки и общей теории права. Следствием всех этих обстоятельств стал тот факт, что общая теория права изначально формировалась и развивалась как самостоятельная комплексная наука.

В подпараграфе 1.3.4 «Политика права» обращается внимание, что данная дисциплина была наименее разработанной в российской юридической науке, хотя и сумела занять свое особое место. В России тема политики права как самостоятельной науки встает в полный рост с последней трети XIX в. в связи с дискуссией о разграничении фундаментальной и догматической юриспруденции. Интенсивное проникновение социологии, антропологии и статистики в юриспруденцию создавало тот эмпирический фундамент, который превращал вопрос о целях и средствах правового регулирования в самостоятельную тему. Внутри догматической юриспруденции возникают политика гражданского права, уголовного права, финансового права. В общей теории права предпринимаются попытки обоснования политики права как общетеоретической межотраслевой науки. Однако предмет и методы отраслевой науки и политики права были слишком разные, чтобы существовать в рамках единых дисциплин. Догматическая юриспруденция воспринимала правовую политику как угрозу сложившейся традиции, как чужеродный компонент, способный разрушить отраслевую науку.

В подпараграфе 1.3.5 «Социология права» указывается, что самой молодой дисциплиной юридической науки в России была социология права. Хотя процесс проникновения социологии в российскую юриспруденцию и проходил очень болезненно, уже на рубеже XIX – XX вв. социологический компонент в фундаментальной юридической науке – состоявшийся факт. Фактически социологический подход в большей или меньшей степени использовался во всех юридических науках. Отраслевая наука, создавая юридические конструкции, всегда косвенно или прямо имела в виду реальные общественные отношения, которые необходимо было регламентировать. Догматик права поневоле становился и социологом права. Историк, воссоздавая картину происхождения, развития и функционирования государства и права отдельной страны, всегда принимал во внимание факторы, повлиявшие на данный процесс, т.е. применял социологический метод. В рамках философии права (метафизической и позитивистской) право и государство рассматривались как системные объекты, имеющие структуру и функциональные связи между ее элементами (одна из сторон социологического метода). Сравнительное правоведение, сопоставляя различные правовые системы, рассматривает их в системе культурно-исторического развития, т.е. использует идею многофакторного влияния. Политика права практически всецело построена на социологическом анализе эмпирического материала, демонстрирующего взаимодействие общества, права и государства. И наконец, общая теория права в качестве комплексной дисциплины имеет в своем составе социологию права, а также использует социологический подход при философском и догматическом исследованиях права и государства.

Во втором параграфе «От юриспруденции к социологии: первые шаги сближения» рассматриваются особенности проникновения социологии в российскую юриспруденцию.

В подпараграфе 2.1 «Формирование научной среды» отмечается, что, несмотря на сопротивление консервативной академической среды, огромная популярность позитивизма и социологии сделала свое дело: юристы в своих исследованиях довольно широко начинают использовать социологию. Вряд ли было много юристов, полностью отрицавших ценность социологии как отдельной самостоятельной науки. Их по-настоящему могло настораживать только одно: социология в своей претензии на универсализм и всеобщность грозила разрушить традиционную юриспруденцию. Если обращаться к дискуссиям тех лет, то речь шла главным образом об одном: можно ли имплантировать социологию в юриспруденцию без ущерба для последней, и если можно, то при каких условиях и в каком объеме.

Социология в равной мере и с одинаковой интенсивностью проникала в догматическую и фундаментальную юриспруденцию. Такое течение дел определялось тем фактом, что обе части юридической науки реформировали, как правило, одни и те же лица. Наибольший резонанс произвела попытка реформировать традиционные отрасли права, поскольку речь шла о коренной ломке традиционной отраслевой догматики. Наполнение фундаментальной юридической науки социологическим содержанием не вызывало всеобщего протеста в силу ее изначальной теоретической и методологической эклектичности.

В подпараграфе 2.2 «Гражданское право» показывается процесс проникновения социологии в гражданское право, раскрывается роль в данном процессе С.А. Муромцева. В диссертации отмечается, что к середине XIX в., когда авторитет догматики гражданского права достигает своего пика, в Германии возникает направление, поставившее своей целью провести глубокую ревизию реципированной догматики на предмет ее соответствия современным условиям. Речь шла об установлении связи между догмой германского права и жизнью, фактическими общественными отношениями. Во главе данного процесса стоял Р. Иеринг. В России такой фигурой стал С.А. Муромцев – первый из русских юристов, кто, развивая идеи Р. Иеринга, попытался дать социологическую трактовку гражданского и римского права.

В подпараграфе 2.3 «Уголовное право» делается вывод, что на рубеже XIX – XX вв. в России возникло три группы представителей уголовного права. К первой группе относились решительные сторонники соединения социологии с уголовным правом: преступление, заявляли они, следует изучать не только как юридическое явление, но также с антропологической и социологической точек зрения (М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, А.А. Пионтковский, М.П. Чубинский, Д.А. Дриль, С.К. Гогель, Е.Д. Сеницкий, А.И. Елистратов, П.И. Люблинский, Н.Н. Полянский и др.). Во вторую группу входили многие представители классической школы, стоявшие на такой позиции: содержание науки уголовного права должно остаться прежним, антропологический и социологический подходы должны вылиться в самостоятельные науки, у которых уголовное право может черпать свое содержание (Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кистяковский, А.К. Вульферт и др.). Третья группа была полностью глуха к социологии: наука уголовного права не нуждалась и не нуждается в результатах антропологии и социологии.

В подпараграфе 2.4 «Государственное право» показывается процесс проникновения социологии в гражданское право. В отличие от науки гражданского и уголовного права, где социологический компонент всегда воспринимался как чужеродный и противостоял догме права, для науки государственного права почти всегда было естественным выявлять связи между нормами права и общественными отношениями. Социологический компонент в государственном праве – норма данной науки, никогда особенно не ставившаяся под сомнение. Первые шаги в сторону наполнения государственного права социологическим содержанием сделали В.И. Сергеевич, М.М. Ковалевский, Н.А. Зверев, Б.Н. Чичерин. К числу государствоведов, в той или иной мере использовавших социологический подход, относятся также А.Д. Градовский, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, С.А. Котляревский, Е.В. Спекторский, Н.И. Лазаревский, Ф.Ф. Кокошкин, И.Е. Андреевский. В начале XX в. в русской академической среде общепринятым стало мнение, что современная наука о государстве имеет два главных направления: социологическое и юридическое.

В третьем параграфе «Социология права и догматическая юриспруденция» анализируется теоретическая дискуссия между юристами-социологами (С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.Н. Гернет, Л.И. Петражицкий) и юристами-догматиками (С.В. Пахман, А.Х. Гольмстен,

Г.Ф. Шершеневич).

В подпараграфе 3.1 «Юристы-социологи: “догматика – искусство, а не наука”» рассматривается критика юристов-социологов догматической юриспруденции. Различия между догматическим и социологическим подходами к изучению права были настолько очевидными, что появление темы о якобы псевдонаучном характере догматической юриспруденции выглядело вполне естественным. Дискуссия приняла форму противопоставления фундаментальной науки и прикладной («искусства», по терминологии юристов-социологов). Критический анализ различий между теоретическим и прикладным правоведением шел по нескольким направлениям: по предмету исследования, по методам исследования, по отношению к власти и господствующей идеологии. Социология, утверждали юристы-социологи, изучает право и государство как социальные явления, возникающие и существующие в силу естественного хода вещей. Предмет юридической догматики – позитивное право, – напротив, отличается искусственностью, рукотворностью, относится не к жизни, не к действительности, а к сфере мысли, к логике. Социология изучает законы политико-правовой действительности, догма права – законы мира должного, установленные самим человеком. Социология ставит перед собой цель объяснить государство и право, юридическая догматика – описать и систематизировать нормы позитивного права. Социология права, стремясь вскрыть подлинные механизмы функционирования государства и права, нередко вступает в конфликт с властью, догматическая юриспруденция слепо служит власти, принимая в качестве должного любые ее веления в виде закона и конституции.

В подпараграфе 3.2 «Юристы-догматики: “догматика – наука, а не искусство”» анализируются аргументы юристов-догматиков в ответ на критику со стороны юристов-социологов. Юристы-догматики не отвергали ни позитивизма как философии, ни социологии как науки. Они проявили активность к публичному обсуждению позитивизма и социологии только тогда, когда юристы-социологи предложили реформировать догматику на основе социологии, что было воспринято как угроза разрушения традиционной догмы права. Юристы-догматики пытались доказать, что предмет догмы права носит объективный характер, на него распространяются объективные законы, поэтому изучение позитивного права – дело науки, а не искусства. Однако в аргументации не было единства. Г.Ф. Шершеневич полагал, что предметом юридической догматики могут быть только нормы, но не правоотношения (их изучает социология). Позитивное право, рассуждал он, есть факт жизни, сама действительность, поэтому догма права, ставя задачей поиск общих принципов и законов построения данного позитивного права, представляет собой подлинную науку. С.В. Пахман и Н.И. Палиенко занимали более уклончивую позицию, стремясь к балансированию между догмой и социологией права. Оба они упирали на то, что догматика изучает не только позитивное право, но также правоотношения и даже сами общественные отношения, требующие правового регулирования. Иначе говоря, предмет юридической догматики – позитивное право, но наполненное жизнью и потому являющееся частью действительностью. А значит, догма права имеет дело не с фикцией, а с реальностью, и поэтому догматика –

наука, а не искусство. Юристы-догматики понимали специфику научного познания в позитивистском духе, утверждали, что методы исследования социологии права и догматики права одинаковые: описание, обобщение и систематизация, анализ, синтез (как в естествознании). На обвинение в соглашательстве с властью юристы-догматики отвечали, что догматика только ставит перед собой чисто научную цель – выявить объективные свойства права. Одно из таких свойств – связь позитивного права с государством. Догматика, бесстрастно констатируя данную связь, выполняет функцию подлинной науки. Связь с государством, таким образом, есть одновременно и факт действительности, и аксиома догматической логики.

В четвертом параграфе «Социология права как теоретико-правовая наука» раскрывается теоретико-правовой аспект взглядов русских юристов-социологов на общество, государство и право. В диссертации отмечается, что в России уже к концу XIX в. социологическое изучение государства и права воспринималось как необходимый раздел общей теории права. Вместе с тем никак не отвергалось существование социологии права как самостоятельной дисциплины. Тем не менее в дореволюционной России процесс становления социологии права как самостоятельной юридической дисциплины остался незавершенным.

В подпараграфе 4.1 «Юристы-социологи: взгляд на общество» делается вывод, что русские юристы-социологи стояли на платформе позитивизма и понимали общество в основном в духе классического континентализма: общество есть система, где действуют законы статические (функциональные взаимосвязи) и динамические (повторяемость явлений во времени). Общество состоит из совокупности институтов, скрепляемых функциональными связями. Индивид, принадлежа к разным общественным союзам, посредством своего участия связывает их в единое целое. Государство и право – органические части общества, поэтому их следует рассматривать в системе всех социальных явлений. Поскольку право и государство, полагали юристы, имеют социальную природу, обусловлены общественной средой, при их изучении необходимо применять структурно-функциональный, т.е. социологический подход.

В параграфе детально рассматриваются концепции Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича.

В подпараграфе 4.2 «Социологическая трактовка права» констатируется, что русские юристы-социологи одними из первых выявили и четко сформулировали тот набор подходов при рассмотрении права, который в дальнейшем становится определяющим для социологической школы права. Трудно найти в XX в. социолога права (на Западе и у нас), который находился бы вне проблем теории и методологии, поставленных русскими авторами. Представители социологической школы права в России обосновывали и использовали функциональный подход при анализе права, делали акцент на исследовании его динамических свойств, противопоставляли нормы в динамике нормам в статике (зафиксированным в тексте закона), «живое» (реально действующее) право – «мертвому» (записанной в законе норме, но не применяющейся). Русские юристы констатировали разрыв между правом и жизнью: не все, что записано в за-

коне, реализуется в жизни, и наоборот: существующее в практике, помимо закона, носит правовой характер. Все это приводило к расширительному пониманию права и трактовалось как правопорядок и организованная защита (С.А. Муромцев), как средство разграничения интереса (М.Н. Коркунов), как результат «замиреной среды» (М.М. Ковалевский), как проявление инстинкта самосохранения (Г.Ф. Шершеневич), как акты суда (Г.Ф. Шершеневич, Н.А. Гредескул) и, наконец, как любая социальная норма, фактически регулирующая общественные отношения (М.Н. Коркунов, Л.И. Петражицкий). При общем подходе на установление связи права с жизнью общества русские юристы демонстрировали широкий разброс мнений, взаимно критикуя друг друга. Полемика между ними объективно расширяла поле социолого-правовых исследований, указывала на их огромный потенциал.

В подпараграфе 4.3 «Государство как объект социологического анализа» отмечается, что в России при рассмотрении государства преобладание юридического метода над социологическим наблюдалось в основном в рамках государственного права. Формирующаяся теоретико-правовая наука изначально совмещала в себе оба подхода, но с некоторым креном в сторону социологии. Показательные примеры тому – Н.М. Коркунов и Г.Ф. Шершеневич. Коркунов как всякий последовательный позитивист отвергает эйдетическое, аксиологическое, телеологическое, волевое и формально-юридическое представление о государственной власти как ненаучное, заменяя все эти подходы всеобъемлющим функционализмом. Государство, с его точки зрения, есть своего рода естественный феномен, где власть и подвластные объединены функциональными отношениями эмоционально-психологической природы. Г.Ф. Шершеневич, анализируя государство, исключает догматический метод почти полностью. Поскольку государство, полагает он, есть источник права, определение его в юридических категориях логически недопустимо. Понятие о государстве только одно – социологическое.

В четвертой главе «Марксистская социология права» раскрывается связь между социологией и базовыми положениями марксизма о государстве и праве.

В первом параграфе «Марксизм как социолого-правовая доктрина» делается вывод, что на Западе и в России марксизм получает свой статус в качестве социологической доктрины главным образом в среде социологов и благодаря их усилиям, теории и практики рабочего движения воспринимали марксизм в основном как доктрину научного социализма. Марксизм, отличаясь цельностью, системностью, теоретико-методологическим единством, широким охватом эмпирических данных, привлекал исследователей, стремившихся к обобщенному знанию на основе фактов истории и естествознания. Ученый, стремившийся к созданию социологического знания, находил в марксизме идеи социальной стратификации и социальной закономерности, функциональные связи и новейшие методы исследования. Разработка русскими марксистами теории социологии в 90-е годы XIX в. была по большей части побочным результатом их политической и идеологической борьбы против народников. Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, П.Б. Струве, другие марксисты заводили речь о социо-

логии в той мере, в какой необходимо было критиковать народническую идеологию, зачастую воплощенной в форме субъективной социологии.

Стремление части большевиков-обществоведов представить марксизм как социологическую доктрину следует связать с ростом влияния социологии в России и на Западе. Крупнейшие марксисты-социологи первых лет советской власти разрабатывали теорию социологии, находясь под влиянием прежде всего немарксистской социологии. Именно потому, что главный импульс в создании марксистской социологии и социологии права шел не от марксизма, советская власть по мере своего укрепления достаточно легко отказалась от немарксистской добавки в лице социологии.

Господствовавшая в 20-х годах тенденция представить марксизм как социологическую доктрину в полной мере проявила себя в общей теории права. Типично было рассматривать общую теорию права как органическую часть исторического материализма. Считалось, что исторический материализм как система взглядов на историю и структуру человеческого общества имеет своей составной частью учение о государстве и праве, их возникновении, развитии и функционировании. Исторический материализм предлагался в качестве метода исследования государства и права, а поскольку исторический материализм считался марксистской социологией, последняя становилась универсальным методом изучения политико-правовых явлений. Общая теория права, таким образом, зачастую отождествлялась с социологией права и рассматривалась в качестве отдельной отрасли общей социологии.

После Октября 1917 г. юридические науки (в том числе общая теория права) оказались на подозрении у новой власти, поскольку отражали, по мнению большевиков, интересы буржуазии и помещиков и несли с собой «контрреволюционные настроения». Философский компонент общей теории права был, как правило, насыщен идеализмом, а догматический – тесно связан с отраслевой наукой, «буржуазно-помещичьей» по своему духу. Поэтому было вполне естественным, что в общей теории права на первый план вышли исторический и социологический компоненты, а философский и догматический либо полностью вытеснены, либо значительно сужены. Историческое и социологическое исследование права было созвучно собственно марксистскому подходу к праву.

Во втором параграфе «Право, государство, закон» рассматриваются методологические подходы советских юристов 20-х гг. в понимании права и государства и их взаимосвязи. Авторы демонстрировали широкий разброс мнений в понимании права. Плюрализм обеспечивался в основном благодаря социологическому подходу, который требовал выхода за юридические рамки в сферу социальной жизни и, соответственно, влек за собой безбрежное расширение понятия права. Советские марксисты, связывая право и государство с экономикой и классовым интересом, рассматривали право, как правило, в трех аспектах: как правовое отношение, как правовую идеологию и как закон. Если Ленин понимал право в основном как функцию государства, как средство реализации его воли, то многие советские юристы не видели такой прямой связи между правом и государством. Наиболее распространенной среди них была

другая позиция: государство и право, вырастая из отношений производства и обмена, проходя через призму классового сознания, взаимодействуют между собой очень опосредованно, с использованием сложной цепи социальных взаимосвязей. Между экономикой и правом нет опосредующего звена в лице государства. Государство не создает права, как не создает экономического отношения, оно лишь находит возникшее правоотношение в жизни и фиксирует его в виде закона. Само государство понималось двояко: как организация классового господства и как государственный аппарат. В первом значении государство никак с правом не связано, его деятельность основана на голой целесообразности. Во втором – государство выступает как гарант рыночного обмена и в этом качестве предстает в виде права и целиком сливается с отвлеченной объективной нормой.

При такой трактовке государства и права обоснование диктатуры советской власти получалось не очень убедительным, на что к концу 20-х годов обратили внимание партийные функционеры. «Идейным шатаниям» в юридической науке подвело черту Совещание по вопросам науки советского государства и права (16 – 19 июля 1938 г.), предложившее нормативное и классовое определение права как единственно верное.

В третьем параграфе «Базис и надстройка: социолого-правовая трактовка» отмечается, что базис и надстройка – основополагающие понятия исторического материализма, сыгравшие заметную роль в развитии социолого-правового знания. Исторический материализм предложил модель, показывающую общество как тонкий и чрезвычайно сложный организм, где материя и сознание, материальное производство и духовная культура, взаимно обуславливая и дополняя друг друга, представляли в качестве единой системы. Многие позитивисты и кантианцы, признав огромные преимущества марксизма перед органицизмом, оказались под влиянием исторического материализма, хотя подчас это влияние проявлялось опосредованно.

В.И. Ленин одним из первых выделил в историческом материализме черты, позволившие, с его точки зрения, социологии стать подлинной наукой. Во-первых, признание производственных отношений в качестве базовых дало возможность взглянуть на развитие общества и его политико-правовых форм как на естественноисторический процесс, не зависящий от сознательно-волевых установок людей. Во-вторых, формационный подход дал объективный критерий повторяемости.

Маркс и Энгельс заложили методологические основы, позволяющие выявлять функциональные связи между экономикой, правом и государством. Однако механизм, детализирующий данные связи, ими выявлен не был, что создавало пробел в марксистской теории права. Заслуга советских юристов 20-х годов состояла в том, что они всесторонне и глубоко попытались показать механизм взаимосвязи экономики, права и государства, развивая базовые положения марксизма. Это был качественный скачок в марксистской теории права, поднявший ее на принципиально новый теоретический уровень. Особенность подхода советских юристов состояла в том, что они рассматривали право и как часть базиса, и как часть надстройки, и как общественные отношения, и как

форму сознания, что существенно расширяло представление о праве. Советским юристам-социологам, к сожалению, не удалось достичь понятийной четкости и системного теоретического единства. Они по-разному понимали границы соотношения общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки, общественного сознания и общественных отношений, производственных и непроизводственных отношений, идеологии и общественного сознания, государства и права как элементов надстройки и общественного сознания. Однако сам факт включения права одновременно и в базис, и в надстройку открывал новые горизонты для исследования функциональных связей и зависимостей права. Одновременно происходило расширение понятия права (типичное следствие социологического подхода) за счет установления его новых сторон, в частности, как формы производства и обмена. Многим советским идеологам такое расширение понятия права представлялось отступлением от марксизма (в том или ином отношении), но на самом деле имело место творческое его развитие.

В четвертом параграфе «Право, государство, классы» делается вывод, что рассматривать право и государство в связи с социальной структурой и интересами социальных групп – стойкая традиция в социологии, сложившаяся с самого начала ее возникновения. Связать государство и право с социальной структурой общества, с классами было одной из центральных задач Маркса, Энгельса и Ленина, однако данная проблема рассматривалась ими не столько абстрактно-социологически, сколько в контексте научного социализма, в логике политической борьбы.

Опыт формирования новой советской государственности потребовал теоретического анализа, что и попытались сделать первые советские юристы и философы. Использование ими социологического подхода, навеянного в том числе и немарксистскими социологами, рождало вопросы, противоречия и разногласия. Стремление показать связь нового пролетарского государства и права с социальными слоями советского общества давало результаты, далеко не всегда соответствующие партийным пропагандистским клише, а сами юристы-социологи могли восприниматься (и многими воспринимались) как своего рода ревизионисты, размывающие монолит марксистско-ленинского учения. Отправными точками, рождавшими разногласия, стали, в частности, положения Маркса о переходном (от капитализма к коммунизму) периоде, изложенные им в «Критике Готской программы»: в условиях переходного периода право продолжает оставаться буржуазным, а государство «не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата». Оба тезиса (хотя и в разных аспектах) ставились под сомнение. Ставилась под вопрос пролетарская природа советского государства и советского права. Многие советские юристы, прямо или косвенно, с большими или меньшими оговорками утверждали, что в нэповской России созданы благоприятные условия (наличие товарного хозяйства и классов со своими интересами) для воссоздания государства и права буржуазного типа (наиболее последовательно данный тезис отстаивал Е.Б. Пашуканис). Делался вывод, что никакая правовая система не обладает классовым единством, всякое право есть «лоскутное» право. В частности, советское право

состоит из пролетарского, крестьянского и буржуазного (М.А. Рейснер). Тезис о классовой природе права доводился до крайности в концепции «социальной защиты»: уголовное преследование предлагалось понимать не в буржуазном, формально-юридическом смысле, а в функционально-социологическом, как организационно-технические меры, опирающиеся на принцип политической целесообразности. Получался парадокс: с одной стороны, налицо были показной левый радикализм, стремление казаться «твердокаменными большевиками», желание побыстрее пройти переходный период, отказаться от всех институтов буржуазного общества и достичь социализма (коммунизма), с другой – уход в фундаментальную науку, очевидный дефицит реалистичности, отрыв от практических политических задач дня. При всей спорности труды первых советских юристов демонстрировали творческое развитие марксизма: социологический поход в марксистской теории права вполне мог дать и такие результаты. К началу 30-х годов дискуссии о социальной природе советского государства и права заканчиваются, устанавливается почти полная унификация взглядов.

В пятой главе «Антипозитивистская и антимарксистская реакция и формирование альтернативной социологии права» рассматриваются социолого-правовые концепции, построенные на основе немарксистской и непозитивистской методологии. На рубеже XIX – XX вв. социальный оптимизм социологов первой волны сменяется на разочарование и глубокий скепсис. Уверенность в силе человеческого разума, в прогрессе и линейности всемирной истории уступает место иррационализму, циклическому восприятию времени и откровенной реакционности. В большей или меньшей степени, прямо или косвенно пересматривается идейное наследие эпохи Просвещения, идет поиск новой мировоззренческой платформы для социологических исследований. Ревизия философско-методологических основ осуществлялась по всем основным направлениям. Особой критике подвергались классические формы позитивизма и марксизма, в них, как правило, усматривали концентрированное выражение одностороннего рационализма и необоснованного социального оптимизма.

В первом параграфе «От теории прогресса к теории циклов» анализируются социолого-правовые концепции Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В их теории циклов наблюдаются два неравноправных компонента – идеологический (главный) и научный (подчиненный). Оба автора выстраивают конструкции, внешне основанные на естественнонаучном знании и позитивизме (в форме органицизма), но призванные обосновать политические и идеологические цели. Важная особенность их аргументации – апелляция к религии, что придает их концепциям иррациональный характер. Предмет внимания обоих авторов – государство, закономерности его происхождения, развития и функционирования. Притом что идеологическая составляющая концепций Данилевского и Леонтьева ведущая, они ставят проблемы, представляющие несомненный интерес для социологии государства и права.

Предлагаемые Данилевским социальные законы, вытекающие из теории культурно-исторических типов, радикально ломали либерально-демократическую идейную платформу, берущую свое начало в эпохах Возрождения и Просвещения. Отказ от идеи единого человечества ставил под сомне-

ние универсализм таких европейских ценностей, как права человека, политические и гражданские свободы, равенство перед законом и судом, демократия и правовое государство. Поскольку каждый культурно-исторический тип самодостаточен и вырабатывает собственные критерии совершенства, гуманизм и варварство, деспотический способ правления и демократия, правовое государство и полицейское уравнивались в ценностном отношении. Если нет прогресса в организации политико-правовых институтов, все заканчивается разложением и гибелью, то государство и право конкретной страны воспринимались в основном как функция безличной социальной материи, критиковать которую не имело смысла. При такой, казалось бы, дегуманизации взглядов, в остатке оставался, тем не менее, строго научный подход – структурно-функциональный анализ государства и права. Теория культурно-исторических типов Данилевского ставила также в полный рост проблему соотношения государства, национальной культуры, национального самосознания и правосознания.

Методология Леонтьева – эклектическое соединение позитивизма и христианской эсхатологии. Приверженность реакционной утопии потребовала от него отказаться от теории прогресса и заменить ее эволюционизмом, который хотя и был нацелен на обоснование реакционной утопии, имел научный, социологический компонент, поскольку предлагал концепцию динамической стороны жизни государства. Любое государство (подобно биологическому организму), согласно Леонтьеву, проходит три периода развития: 1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смесительного упрощения, за чем следует гибель.

Концепции Данилевского и Леонтьева подвели к мысли о том, что государства развиваются одновременно по двум моделям: циклической и линейной. История каждого национального государства и права уникальна и в этом смысле поступательна, необратима, линейна. Вместе с тем мировая история демонстрирует бесконечный цикл рождения, созревания, расцвета, деградации и краха национальных государств и их права. Если принять во внимание очевидный факт, что история дважды не повторяется, то цикличность следует рассматривать как частный случай линейности.

Во втором параграфе «Социология права и гегельянство» показывается идейная и методологическая связь между гегельянством и социологией права. В диссертации отмечается, что Гегель создавал свою философию как способ научного познания мира. В этом смысле между эвристическими установками Гегеля и Конта не было антагонистического противоречия. Гегельянство роднит с социологией идея прогресса и принцип историзма.

Гегельянство было представлено в России гораздо более скромно, чем кантианство и неокантианство, а неогегельянства практически не было. По-настоящему крупным гегельянцем, который творчески применял и усиленно пропагандировал учение Гегеля, был Б.Н. Чичерин. Между гегельянской философией Чичерина и социологией была внутренняя связь. Чичерин (так же как и Конт) полагал, что социальная жизнь развивается по определенным законам и задача науки состоит в том, чтобы эти законы открыть. Его философия, продолжая традицию западноевропейского рационализма, нацелена на отыскание

законов природного и общественного устройства. Если Конт пытается открывать законы общества на основе позитивизма, то Чичерин это делает на основе метафизики и религии. Чичерина вполне можно отнести к ученым, которые тяготеют к социологическому методу исследования: поиск закономерностей и функциональных зависимостей, рассмотрение изучаемого объекта в системе. Чичерин сумел показать слабые места классической (прежде всего позитивистской) социологии. Так, он отвергал ее претензию быть строгой наукой: социология объективно не могла обобщить весь фактический материал, предоставленный другими науками, и зачастую ограничивалась случайной, очень субъективной выборкой фактов, что отражало не «строго научный подход», а ценностные пристрастия автора.

В основе социологии права Чичерина лежит эклектическое соединение гносеологии Канта и Гегеля: с одной стороны, врожденные формы сознания, с другой – тождество бытия и мышления. Если логический трансцендентализм Канта говорил о границах познания и вел к агностицизму, то гегелевский панлогизм, напротив, таких границ не признавал и утверждал способность человека познать суть сознания, природы и общества. Позиция Чичерина была здесь промежуточной, но с креном в сторону гегельянства. В конечном счете, его социология права – это единство метафизики, естествознания и религии. Общество, государство и право, подчеркивал он, невозможно изучить, основываясь только на опытной науке.

В социологии и социологии права Чичерина явственно выделяются «социальная динамика» и «социальная статика» (если использовать контовскую терминологию). Подобно Сен-Симону и Конту Чичерин предпринял попытку создать строго научную концепцию исторического процесса, которая могла бы «с такою же достоверностью предсказать все будущие ступени человеческого развития, как астроном предсказывает солнечные затмения». Он поставил перед собой цель открыть законы истории, чтобы максимально точно прогнозировать развитие общества, государства и права. «Социальная статика» представлена у Чичерина также весьма развернуто. В диссертации показывается, как он анализирует зависимость государства от особенностей территории и климата, природных богатств, состава населения, семьи, рода, классов, религии, науки, искусства, нравов.

В третьем параграфе «Кантианство и неокантианство в социологии права» рассматривается связь кантианской и неокантианской методологии с социологией права. В диссертации отмечается, что связь кантианства и неокантианства с научным знанием была хотя и опосредованной, но устойчивой. Кантовский дуализм явлений и «вещей в себе», если и соотносил знание с миром логики, а не с действительностью, все-таки ориентировал на познание объективных свойств предмета. В России обращение к кантианству и неокантианству было вызвано (так же, как и в Европе) научными, идеологическими и политическими причинами. Поворот в сторону кантианства и неокантианства привел к появлению самостоятельного направления, проявившего себя в философии, социологии и политике. По сравнению с Европой в России конца XIX – начала XX в. кантианство и неокантианство отличались меньшей теоретической чис-

тотой, большим эклектизмом, идейной размытостью и маргинальностью. Кантианские и неокантианские компоненты имело огромное число авторов, но далеко не все они использовали их в качестве методологического инструмента. Неокантианская методология при рассмотрении государства и права в большей или меньшей степени представлена у П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, В.М. Хвостова, П.Б. Струве, В.А. Савальского, И.А. Ильина, Л.И. Петражицкого, Г.Д. Гурвича, С.И. Гессена, П.А. Сорокина. Данные авторы пытались найти закономерности, функциональные связи и системные свойства не столько в самих эмпирических феноменах государства и права, сколько в их логических моделях, присущих общественному и научному сознанию.

Среди русских неокантианцев также преобладало расширительное понимание социологии. Ее рассматривали в качестве универсальной науки, использующей как генерализирующий (номотетический), так и индивидуализирующий (идеографический) методы. Признание существования в обществе двух компонентов – природного и культурного – влекло за собой признание равноправия за обоими методами. Для русских юристов-неокантианцев (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов) размежевание природы и культуры – необходимое условие их социолого-правовых концепций. Чтобы обосновать нормативность культуры, права и государства, сначала следовало четко разграничить в человеке «природу и дух». Вместе с тем добиваясь четкости в разграничении естественных и социальных наук, соотношение между ними социологам права виделось по-разному. Так, Новгородцев и Хвостов выступали против даже частичного их пересечения, а Кистяковский – за их взаимную дополняемость.

В диссертации кантианская социология права детально анализируется на примере творчества П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского. Оба автора предложили нормативную социологию права, исследующую правосознание, его структуру, функциональные взаимосвязи между элементами, закономерности его развития. С позиции метафизики они указали на ограниченность позитивистской социологии права, отражающей, с их точки зрения, лишь внешний механизм функционирования общества и его элементов, не затрагивая сути явлений. Юристы предложили создать социологию права, основанную на соединении эмпирического и нормативного подходов, что существенно расширяло представления о государстве и праве.

В четвертом параграфе «Социология права религиозных философов» раскрываются теоретико-методологические основы взглядов русских религиозных философов на государство и право. В диссертации делается вывод, что религиозное направление – одно из крупнейших в русской философской, общественно-политической и юридической мысли, в русской культуре в целом (литературе, поэзии, живописи и т.д.). Центральная задача русской религиозной философии (как и всяких религиозных учений, находящихся в сфере влияния иудео-христианской традиции) – обоснование необходимости воссоединения человека с Богом, поиск путей такого воссоединения. Религиозные философы стремились нарисовать картину божественного мироустройства, показать в нем место человека и созданных им социальных институтов (в том числе государств).

ва и права). Методологическая цель их теоретических построений – доказать целостность мироздания, соединенность (но неслиянность) Бога, мира и человека. «Жизнь в Боге», по их мнению, предполагала единство онтологических, гносеологических и социологических представлений человека. Только Божье откровение, с их точки зрения, является необходимым условием познания мира, только оно способно дать человеку подлинно целостное представление о мире.

Заслуга русских религиозных философов состояла в том, что им удалось показать ограниченность социологического знания, сделав представление о нем более адекватным. Ими было справедливо указано на единство отдельных методов научного и религиозного познания, на вполне допустимое сочетание знания и веры, которые до определенных пределов могут сосуществовать, не мешая и дополняя друг друга. Ведь религиозные ориентиры – это те же ценностные и идеологические установки. Однако если последние зачастую не осознаются социологами или воспринимаются в качестве нормы, то религиозная компонента сразу замечается и отмечается как враждебная науке. Русские религиозные философы убедительно показали, что религиозные установки в общественной науке, как правило, имманентно присутствуют, но зачастую скрываются под суррогатными, ставшими обыденными, понятиями.

На первый взгляд в самом понятии «религиозная (христианская) социология права» как будто есть фундаментальное противоречие: религия исходит из идеи тварности мира, имеющего первопричину в воле Бога, социология нацелена на поиск закономерностей естественного порядка, корнящегося в природе. Христианин, стремящийся познать мир, направляет свои усилия на раскрытие смысла божественной воли, божественного предначертания; социолог не связывает свои исследования ни с какой предустановленной телеологией, он рассматривает общество как естествоиспытатель, готовый к любым результатам. Вместе с тем существо процесса познания во многом сходно: рациональное объяснение политико-правовых и других социальных явлений, выявление их функциональных взаимосвязей и закономерностей развития. И христианское богословие, и христианская философия стремятся дать непротиворечивую картину мира, объясняющую направление истории, развитие и строение общества, государства и права, их взаимодействие между собой. В христианской картине мира все системно взаимосвязано, мироздание пронизано божественным провидением, где все его элементы соединены невидимыми нитями с Творцом. Конечно, политико-правовая проблематика имеет конечные ответы в Боге, но взятая автономно, вне религиозной телеологии, она имеет вполне рациональную (т.е. близкую к научной) трактовку. Христианская социология права есть, объективно говоря, попытка объяснить «статiku и динамику» государства и права в системе религиозной картины мира.

Религиозная социология права рассматривается на примере двух наиболее крупных ее представителей: В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова.

В заключении диссертации обобщаются результаты исследования и делаются выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Жуков В.Н. Место теории государства и права, философии права и истории политических учений в системе высшего юридического образования (Научно-практическая конференция) // Государство и право. 2000. № 12. С. 99-101. (0,37 п.л.).
2. Жуков В.Н. Законодательная социология (В начале пути) // Государство и право. 2011. № 3. С. 116-118 (0,4 п.л.).
3. Жуков В.Н. Изменение и развитие как категории социологии права // Государство и право. 2012. № 11. С. 47-59 (1,4 п.л.).
4. Жуков В.Н. Философия и социология права евразийцев // Право и государство: теория и практика. 2013. № 2. С. 6-12 (0,7 п.л.).
5. Жуков В.Н. Социология права: история, теория, методология // Государство и право. 2013. № 4. С. 20-35 (1,74 п.л.).
6. Жуков В.Н. Философия и социология права В.С. Соловьева в эпоху «нового русского средневековья» // Государство и право. 2013. № 6. С. 26-36 (1,2 п.л.).
7. Жуков В.Н. Социология истории государства и права: диалектика антиномий // Государство и право. 2013. № 9. С. 43-57 (1,6 п.л.).
8. Жуков В.Н. Марксистская социология права первых лет советской власти: М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис // Право и государство: теория и практика. 2014. № 1. С. 43-50 (0,8).
9. Жуков В.Н. З. Фрейд: психолого-социологическая трактовка государства, политики и права // Право и государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 89-93 (0,4 п.л.).
10. Жуков В.Н. Общая теория государства и права должна стать интегрирующим фактором российской юриспруденции // Кроткова Н.В. Теоретико-правовая наука на современном этапе: «Круглый стол»: «Обсуждение книги “Общая теория государства и права. Академический курс. В 3-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 576 с.; 816 с.; 720 с.”» // Государство и право. 2014. № 4. С. 17-22 (0,6 п.л.).
11. Жуков В.Н. Социология права в России и позитивизм // Государство и право. 2014. № 5. С. 25-35 (1,2 п.л.).
12. Жуков В.Н. Органическая социология права в России // Право и государство: теория и практика. 2014. № 5. С. 53-59 (0,7 п.л.).
13. Жуков В.Н. Социология права в России: географическое направление // Право и государство: теория и практика. 2014. № 7. С. 94-99 (0,53 п.л.).
14. Жуков В.Н. Субъективная социология права в России // Государство и право. 2014. № 8. С. 15-22 (0,9 п.л.).
15. Жуков В.Н. Позитивизм, социология, психология: история возникновения психолого-социологической школы права в России // Государство и пра-

во. 2014. № 11. С. 53-63 (1,2 п.л.).

16. Жуков В.Н. Социологии права: исторические условия формирования и трудности становления // Право и государство: теория и практика. 2015. № 1. С. 32-37 (0,56 п.л.).

17. Жуков В.Н. Юридическая наука в дореволюционной России: становление и соотношение догматической и фундаментальной юриспруденции // Государство и право. 2015. № 2. С. 96-114 (2,14 п.л.).

18. Жуков В.Н. Социология права в дореволюционной России: основные направления и идеи // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2. С. 33-39 (0,61 п.л.).

19. Жуков В.Н. Русские юристы-социологи: методология познания права // Право и государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 39-47 (0,83 п.л.).

20. Жуков В.Н. Социология права и догматическая юриспруденция (К истории одной дискуссии в дореволюционной юридической науке) // Государство и право. 2015. № 5. С. 17-29 (1,4 п.л.).

21. Жуков В.Н. Государство как объект социологического анализа: взгляд русских дореволюционных юристов // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5. С. 31-36 (0,6 п.л.).

22. Жуков В.Н. Отраслевая юридическая наука в России и социология: первые шаги сближения // Право и государство: теория и практика. 2015. № 6. С. 58-66 (0,89 п.л.).

23. Жуков В.Н. Русская социология права: от теории прогресса к теории циклов // Государство и право. 2015. № 7. С. 27-37 (1,26 п.л.).

24. Жуков В.Н. Социология права в России и гегельянство // Право и государство: теория и практика. 2015. № 7. С. 31-41 (1,14 п.л.).

25. Жуков В.Н. Марксизм как социолого-правовая доктрина // Аграрное и земельное право. 2015. № 7. С. 24-33 (1,03 п.л.).

26. Жуков В.Н. Право, государство, закон: трактовка советских юристов 1920-х гг. // Аграрное и земельное право. 2015. № 8. С. 20-27 (0,88 п.л.).

27. Жуков В.Н. Классовый подход в советской социологии права 1920-х гг. // Аграрное и земельное право. 2015. № 9. С. 33-43 (1,06 п.л.).

28. Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 14-24 (1,27 п.л.).

29. Жуков В.Н. Базис и надстройка в социологии права советских юристов 1920-х годов // Право и государство: теория и практика. 2015. № 9. С. 15-23 (0,93 п.л.).

Монографии

30. Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М.: Юрлитинформ, 2013. 288 с. (18 п.л.).

31. Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). М.: Юрлитинформ, 2015. 344 с. (21,5 п.л.).

32. Жуков В.Н. Государство. Право. Власть: философия и социология. М.: Мир философии, 2015. 591 с. (39,42 п.л.).

Научные публикации в других изданиях

33-34. Жуков В.Н. Петражицкий Л.И., «Свет невечерний» // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001 (0,13/125,03 п.л.).

35. Жуков В.Н. Хвостов В.М. // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 2001 (0,04/95,55 п.л.).

36. Жуков В.Н. О возможности единого понимания права // Труды МГЮА. 2003. № 10. С. 115-117 (0,15/16,5 п.л.).

37. Жуков В.Н. Три ипостаси теории государства и права // Материалы международной научной конференции «Нравственные основы теории государства и права» (МГЮА, 3 февраля 2005 г.). М., 2005. С. 108-112 (0,2/20,5 п.л.).

38-52. Жуков В.Н. Армия; Власть; Государство; Первая мировая война; Первая русская революция; Петражицкий Л.И.; Политика; Право; Русская идея; Русско-японская война; Смертная казнь; Суд; Февральская революция; Шестов Л. // Розановская энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008 (3,3/127,68 п.л.).

53-83. Жуков В.Н. Вышеславцев Б.П.; Гроций Г.; Гурвич Г.Д.; Десницкий С.Е.; Диктатура; Западники; Кельзен Г.; Кистяковский Б.А.; Ковалевский М.М.; Кожинов В.В.; Консерватизм; Либерализм; Мережковский Д.С.; Монархия; Монтескье Ш.Л.; Новгородцев П.И.; Петражицкий Л.И.; Политическая система; Республика; Руссо Ж.Ж.; Савиньи Ф.К.; Сменовеховство; Тихомиров Л.А.; Устрялов Н.В.; Фашизм; Философия политики; Философия права; Хайек Ф.А.; Чернов В.М.; Штаммлер Р. // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика; Современник, 2009 (3,07/117,25 п.л.).

84-118. Жуков В.Н. «Введение в философию права. Об общественном идеале»; «Государственность и анархия»; Государство; Демократия; Естественное право; «История политических учений»; Кожинов В.В.; «Конструктивный социализм»; Коркунов Н.М.; Котляревский С.А.; Лесевич В.В.; Либерализм; Мережковский Д.С.; Муромцев С.А.; «Наука и религия»; Новгородцев П.И.; Пашуканис Е.Б.; Петражицкий Л.И.; Права человека; Правовое государство; Революция; Рейснер М.А.; «Свет невечерний»; Социологическая мысль; Струве П.Б.; Стучка П.И.; Тахтарёв К.М.; Философия истории; Философия права; «Философия права»; Хвостов В.М.; Шершеневич Г.Ф.; Южаков С.Н.; Яценко А.С. // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный клуб Книго-век, 2014 (7,5/130 п.л.).

119. Жуков В.Н. Социология государства П.Б. Струве: консервативно-либеральный проект будущей России // Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 276-284 (0,6/22,1 п.л.).

120. Жуков В.Н. Философия и социология права в России: прошлое и настоящее // Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции 2-4 октября 2014 г. / Общ.ред. В.В. Миронов, ред. и сост. А.П. Козырев, П.Н. Костылев, А.В. Никандров. М.: Издательство Московского университета имени М.В. Ломоносова,

2015. С. 299-311 (0,93 п.л.).

121. Жуков В.Н. Субъективная социология права в России как отражение русской идентичности // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ*. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова и др. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 164-181 (0,9/15,9 п.л.)

Учебники и учебные пособия

122. Жуков В.Н. Становление университетской философии. Обоснование рационального знания; Социально-философские и философско-исторические идеи либерального западничества; Философско-правовая мысль (XIX – начало XX вв.): Монархические концепции права (К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров), Позитивистские теории (Г.Ф. Шершеневич, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский), Теория естественного права (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский), Государственная школа (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, П.Б. Струве), Психологическая школа (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий); «Мистический реализм» Д.С. Мережковского // *История русской философии: Учебник для вузов* / Редкол.: М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. 639 с. (3,83/60,24 п.л.).

123. Жуков В.Н. Политическая мысль Древнего Рима. Цицерон; Социологическая школа права. Е. Эрлих. Р. Паунд; Школа психоанализа. З. Фрейд. К.Г. Юнг. Э. Фромм; Основные черты и этапы развития либерализма в России; Земский либерализм. А.Д. Градовский; Буржуазный либерализм. П.Б. Струве; Религиозная утопия. В.С. Соловьёв; Основные направления правовой мысли. Общая характеристика (конец XIX – первая половина XX вв. в России); Юридический позитивизм. Г.Ф. Шершеневич; Теория возрождённого естественного права. П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский; Социалисты-революционеры (эсеры). В.М. Чернов; Советская правовая теория периода её становления. М.А. Рейснер. П.И. Стучка. Е.Б. Пашуканис; Официальная правовая теория эпохи Сталина. А.Я. Вышинский; Политическая мысль русской эмиграции: 1. Религиозные философы. С.Н. Булгаков. Н.А. Бердяев. С.Л. Франк. 2. Монархическое направление. И.А. Ильин. И.Л. Солоневич. 3. Евразийцы // *История политических и правовых учений: Учебник для вузов* / Под общей ред. проф. О.В. Мартышина. М.: НОРМА, 2004. 912 с. (10,52/55,88 п.л.).

124. Жуков В.Н. Методология теории государства и права; Первобытное общество; Происхождение государства и права; Функции государства; Государство в политической системе общества; Право в системе регулирования общественных отношений; Законность и правопорядок // *Теория государства и права: Учебник для вузов* / Под общ. ред. О.В. Мартышина. М.: Норма, 2007. 496 с. (5,1/28,23 п.л.).

125. Жуков В.Н. Философское познание государства и права; Понятие юридической аксиологии; Государство как ценность; Право как ценность // *Философия права. Курс лекций: Учебное пособие*. В 2 т. Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 1. М.: Проспект, 2011. 552 с. (5,33/34,5 п.л.).

126. Жуков В.Н. Раннее христианство; Политико-правовые идеи Симеона

Полоцкого; Политическая идеология церковного раскола; Политические и правовые учения в России во второй половине XVIII в.: Введение и Заключение; «Просвещенный абсолютизм» Екатерины II; Консервативное дворянство. М.М. Щербатов; Либеральное дворянство; Просветители; Политико-правовые взгляды А.Н. Радищева; Политико-правовые взгляды Н.М. Карамзина; П.Я. Чаадаев; Славянофилы и западники; Реформистский социализм. Ф. Лассаль, Э. Бернштейн, К. Каутский; «Русский социализм». А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский; Политико-правовая идеология народничества; Фашизм // История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 656 с. (8,28/39,09 п.л.).

127. Жуков В.Н. Философия права // Введение в философию: Учебное пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И.Т. и др. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Культурная революция, Республика, 2012. 654 с. (0,68/62,35 п.л.).

128. Жуков В.Н. История социологии права; Социология истории государства и права // Социология права: Курс лекций. В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 1. М.: Проспект, 2015. 368 с. (3,34/23 п.л.).

129. Жуков В.Н. Изменение и развитие как категории социологии права // Социология права: Курс лекций. В 2 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М.: Проспект, 2015. 344 с. (1,4/21,5 п.л.).

Научные публикации в зарубежных изданиях

130-156. Жуков В.Н. Јашченко А.С.; Кожинов В.В.; «Конструктивни социјализам»; Коркунов Н.М.; Котљаревски С.А.; Лесевич В.В.; Либерализам; Мерешковски Д.С.; «Наука и религија»; Новгородцев П.И.; Пашуканис Ј.Б.; Петражицки Л.Ј.; Правна држава; Природно право; Рејснер М.А.; «Светлост невечерња»; Социолошка мисао; Струве П.Б.; Стучка П.И.; Тахтарев К.М.; «Увод у философију права. О друштвеном идеалу»; Философија историје; Философија права; «Философија права»; Хвостов В.М.; Шершењевич Г.Ф. // Енциклопедија. Руске философије. У редакцији М. Маслина. Београд: Логос, Укронија, 2009 (5,96/109,25 п.л.).

157-168. Joukov V. Droit naturel; Droit (philosophie du); Histoire (philosophie de l'); «Introduction à la philosophie du droit. Sur de l'idéal de société»; Kojinov V. dim; Kotliarevsky Serguei; Lessievitch Vladimir; «Lumière sans déclin (La)»; Novgorodtsev Pavel; Sociologique (la pensée); Struve Pierre // Dictionnaire de la philosophie Russe. Sous la direction de Mikhail Maslin (Ed. Respublica, 1995; Ed. Komplex, 2007); Edition française sous la direction de Françoise Lesourd. L'Age d'Homme, Lausanne, Suisse; Paris, France, 2010 (3,19/103,2 п.л.).

169-176. Жуков В.Н. Демократија; Држава; «Држава и анархија»; «Историја политичких учења»; Муромцев С.А.; Права човека; Револуција // Енциклопедија. Руске философије. У редакцији М. Маслина. Допунски том. Београд: Логос, Грачифар, 2014 (1,43/25 п.л.).